

На правах рукописи

ЛИСОВИЧ ИННА ИВАНОВНА

**НАУЧНЫЕ ДИСКУРСЫ В КУЛЬТУРЕ АНГЛИИ
РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ**

Специальность 24.00.01 – Теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора культурологии

Москва – 2015

Работа выполнена на кафедре истории и теории культуры отделения социокультурных исследований
ФГБОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет»

Научный консультант:

доктор исторических наук, профессор

Зверева Галина Ивановна

Официальные оппоненты:

доктор философских наук, профессор

Порус Владимир Натанович

доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник

Серегина Анна Юрьевна

доктор филологических наук,
старший научный сотрудник

Халтрин-Халтурина Елена Владимировна

Ведущая организация:

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский
государственный университет»

Защита состоится «15» февраля 2016 г. в 14.00 часов на заседании диссертационного совета Д.212.198.06 при ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет» по адресу: г. Москва, 125993, ГСП-3, Миусская пл., д. 6. , ауд. _____.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет» по адресу: г. Москва, 125993, ГСП-3, Миусская пл., д. 6.

Автореферат разослан «_____» _____ 2015 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

И. Н. Захарченко

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В современной глобальной цивилизации, построенной на научно-технических достижениях, все еще присутствует недоверие к науке, звучит критика ее эвристического и познавательного потенциала, ставится под сомнение польза, приносимая учеными. Научные институты в силу кризиса рациональной идеологии Просвещения, усложнения структуры научного знания и закрытости по политическим, идеологическим, экономическим, дискурсивным причинам, описанным Ю. Хабермасом, оказались под угрозой социальной изоляции. Сегодня, несмотря на наличие открытых коммуникативных площадок и очевидные успехи науки, эпоха правления ученых, о которой говорили гуманисты и философы раннего Нового времени, так и не наступила.

В XVI–XVII вв. можно наблюдать более серьезные проблемы недоверия к науке на фоне традиции цеховой закрытости знания. Гуманисты и ученые были недовольны университетами и создавали транснациональные проекты «Республики ученых», основывали альтернативные университетам публичные лекции и открытые научно-образовательные институты, публиковали научные работы, которые должны были разрушить корпоративную замкнутость и монополию на знание. Стратегии открытости, которые были сформированы в раннее Новое время, легли в основу европейской культуры научного знания.

Возможность наблюдать за опытами, читать научные издания породили встречную реакцию: в европейской и английской культурах раннего Нового времени происходит экспансия научных идей и практик благодаря тому, что ученые переориентируются на публичность, утилитарность и открытость научных достижений для людей и социальных групп, не принадлежащих к ученым и институтам, которые производят, транслируют и сохраняют знание. Горожане не пассивно воспринимали открытия и демонстрируемые эксперименты, они нередко подвергали их критике, артикулировали и сверяли с личным опытом бытия. Уровень критического и скептического восприятия науки, экспансия научных терминов в обывденный язык, восприятие изобретений и открытий в искусствах, которые мы сейчас называем художественными, часто становятся важными свидетельствами степени доступности и понятности знания, доверия к ученым и научным институтам.

В раннее Новое время наука институционализируется под высочайшим патронажем, а горожане и ученые становятся инициаторами создания открытых научно-образовательных учреждений. В это время складываются и английские научные институты, специфика которых связана с самоуправлением под эгидой патронажа и с сознательной ориентацией на открытый доступ к научной информации, что нашло отражение в Грэшем-колледже, проектах У. Петти, С. Хартлиба, Я. А. Коменского, частично реализованных в Лондонском королевском обществе.

Актуальность исследования связана с необходимостью исследовать феномен проникновения и встраивания дискурсов нового знания в культуру Англии раннего Нового времени. Этот процесс был невозможен без формирования экспериментальных и наблюдательных методов, основанных на новом понимании визуальности и когнитивных способностей души.

Рецепция новой философии происходила благодаря научным практикам и институтам, которые открывали доступ к новому знанию обычных людей.

Но было недостаточно одного желания ученых донести свои открытия и новые идеи до властителей, аристократов, клириков и обычных горожан, важно возникновение ситуации, когда эти социальные слои и группы оказываются заинтересованными в новом знании о мире и человеке, а ученые были готовы сделать его полезным и понятным. Поэтому необходимы были медиаторы, способные перекодировать его на обыденный язык, придать ему риторическое и художественное оформление, которые делали знание привлекательным. Ю. Хабермас отмечает, что изложение научных открытий обычным языком нужно для успешной коммуникации не только между публикой и учеными, но и для самих ученых. Члены Лондонского королевского общества (ЛКО) ставили перед собой задачу говорить на языке торговцев и купцов. В Англии раннего Нового времени необходимость артикуляции научного знания на обыденном языке была актуальна в связи с тем, что языком науки был латинский, а перевод на английский развивал не только национальный язык, но и формировал научно-теоретическое языковое мышление.

Можно ли говорить о том, что благодаря этим коммуникативным стратегиям формируются сообщества (community)? Проблема в том, что в английском языке XVII пер. пол. XVIII вв. слово «society» использовалось в значении «сообщество», а слово «community» – для обозначения религиозных общин. Только в сер. XVIII в. «community» начинает употребляться применительно к научным сообществам. Для решения этой терминологической проблемы можно обратиться к концепции Р. Порти, который обозначил словом «universitas» группу, объединенную взаимными интересами в достижении общей цели, а «societas» — людей, не связанных общей целью и основанием, чьи жизненные дороги пересеклись случайно. С этих позиций «Невидимый колледж» можно назвать «universitas», а общение горожан, патронов и ученых на открытых коммуникативных площадках отнести к «societas». Хотя были случаи научного сотрудничества, например, между профессорами Грэшем-колледжа и горожанами.

Научные изобретения и открытия накладывались уже на существующие в обществе культурные формы, представления и практики, поэтому на научную репрезентацию новых идей оказывали влияние теология, этика, риторика и поэтика. Существенное отличие современного состояния науки от науки XVI–XVII вв. заключается в том, что научная терминология только складывалась и мигрировала из одного дискурса в другой, не существовало жестких дисциплинарных границ не только между областями собственно научного знания, но и между всеми свободными искусстваами. Современное узкоспециализированное знание о мире и человеке, освободившись от теологического влияния и церковной опеки, посредством опыта и наблюдения за природой раскрыло многие загадки мироздания и обрело свой язык в терминологической точности. Но вместе с религиозностью была утрачена синкретичность, сакральность знания и соответствующий им язык тропов. Истоки этого процесса – в XVI веке, который многие из современных фундаментальных наук считают временем своего рождения из теологии.

Во 2-й пол. XX в. благодаря лингвистическому повороту, развитию семиотики, феноменологии, исследованиям субъекта познания и форм репрезентации научного знания появляется интерес к взаимодействию собственно художественных и иных знаковых парадигм,

некогда исторически существовавших в едином социокультурном пространстве, поскольку астрономию, математику, риторику, поэзию относили к свободным искусствам (Дюрер причислил к ним живопись, и Везалий – медицину). Соединение в одном тексте научной информации с ее риторическим, художественным воплощением стало возможным в XVI – XVIII вв. благодаря ряду факторов: познавательному статусу свободных искусств; восприятию мира, в основе которого лежала неоплатоническая идея зримой гармонии и красоты; реабилитация такой конструктивной способности души, как воображение.

В XVI–XVII вв. наблюдается активное «переписывание» и «присвоение» поэзией, живописью и графикой научных дискурсивных практик, что сопровождалось как скептическим отношением к опытному знанию, так и формированием сциентистских идей Просвещения, основанных на математическом рационализме и сенсуализме Дж. Локка. Это был уникальный период, когда поэзия, драматургия, живопись и графика, популярные жанры эмблемы и аллегории, вбирают научные идеи и язык, а научные дискурсы встраивают в себя эмблемы, риторику и язык поэзии в предисловиях, посвящениях к научным трудам. Нередко сами ученые пишут поэмы на научные темы и разрабатывают изображения на фронтисписах к своим работам, чтобы отразить идею книги. Размывание дискурсивных границ, во-первых, было связано со стремлением показать красоту видимого мира и создать универсальное знание и универсальный язык; во-вторых, – преодолеть корпоративную замкнутость научного знания. Это было успешно осуществлено, поскольку, как точно отметил М. Фуко, именно европейский дискурс стремится через знаки сделать мысль видимой, преодолеть когнитивно-лингвистический зазор.

Анализ дискурса и дискурсивных практик позволяет ответить на вопрос: как в Европе XVI – нач. XVIII вв. публичные коммуникативные площадки влияют на репрезентацию и рецепцию обычным человеком нового научного знания. Здесь мы опираемся на понятие научного дискурса в представлении М. Фуко, который выделяет основные социокультурные модальности его создания, существования и распространения, что позволяет сделать его операциональным и видимым в культуре.

Свою инаугурационную лекцию в Коллеж де Франс М. Фуко назвал «Порядок дискурса». Этим он подчеркнул изначальное значение слова «дискурс», восходящее к платоновскому «διεξοδος» (диэксодос), где приставки «δια-» «εκ-» одновременно означают «через» и «из»; «οδος» – «дорога», «путь»; «οδοι» – «идти». Соответственно, «διεξοδος» (диэксодос) означает «путешествовать, пройти через части и выйти из них к общему». В раннее Новое время дискурс предполагает наличие рационального словесно выраженного порядка изложения мысли (от части к целому и процедуру различения), основной целью которого является приближение к истине. Практика, возникшая в ситуации диалога и сократовской маевтики, предполагает и коммуникативную составляющую, наличие адресата или собеседника, который вовлекается в разворачивание дискурса.

Если для Платона и неоплатоников эпистема – это истинное обоснованное знание (в отличие от доксы – общепринятого убеждения), то М. Фуко рассматривал эпистему как упорядоченное определенным способом дискурсивное поле возможностей и оснований позитивного знания, существующего в определенную эпоху, которое не всегда подчиняется критериям рациональности

и объективности. На фуколдианскую концепцию дискурса наложило отпечаток значение, появившееся в раннее Новое время, которое включало социальные навыки коммуникации безотносительно к горизонту Божественного.

Исходя из более подробно изложенной в диссертации истории коннотаций термина «дискурс», в данной диссертации использовано два его словоупотребления: 1) в текстах исследуемой эпохи дискурс понимается как аналитический, рационально упорядоченный процесс приближения к истине, имеющий определенную вербальную форму выражения, которая, в нашем случае, будет представлена на материале свободных искусств; 2) с позиций методологии данного исследования дискурс используется в понимании М. Фуко («Порядок дискурса»), поскольку позволяет рассмотреть производство дискурса, его селекцию, организацию и переписывание в дискурсивном поле возможностей и оснований нового научного знания.

Но если Фуко рассматривает дискурсивные процедуры с точки зрения производства власти, то в диссертации сделана попытка рассмотреть модальность научного дискурса, который благодаря открытости имеет вариативный горизонт развития в научной среде и побуждает к множественности субъективных интерпретаций, в том числе и обыденных. И в этом случае селекцию, критическую рефлексию и переписывание научного дискурса осуществляют реципиенты научного знания.

Для анализа взаимодействия дискурсов между свободными искусствами необходимо выявить, какие коммуникативные стратегии избирают ученые и научные общества, чтобы сделать новое знание открытым? Какие идеи и дискурсы отбираются для рецепции? Как на протяжении XVI–нач. XVIII вв. в поэтических и научных дискурсах затемненность сменяется ясностью; риторичность – математической рациональностью, вдохновение – индуктивной логикой. При каких условиях и с какими целями происходит размывание границ между научными, риторическими и поэтическими дискурсами?

Важно проанализировать основные культурные практики и отрасли научного знания, которые производят доминирующий дискурс, определяют и изменяют представление об эпистеме в рассматриваемый период. Несомненный интерес представляет конструирование и репрезентация представлений о науке, знании, процедурах его перепроверки в таких областях науки как анатомия, астрономия, физика, которые изменили восприятие мира и человека, научных концепций и обществ. Р. Рорти отмечает, что научный дискурс не является единственным, формирующим представления о мире, к альтернативным он относит литературу, скульптуру, политику, мистику и т.п. В нашем случае именно они становятся медиаторами между научными практиками, языком, открытиями и обычной публикой. Следовательно, важно определить, какое влияние оказывают научные дискурсы на нерационализированные формы: тропы, стили и жанры в искусстве поэзии, драмы, живописи и графики, благодаря чему, по мнению Рорти, возникает «поэтическая активность» и «попытка переинтерпретировать наше знакомое окружение в незнакомых терминах наших новых изобретений».

Проблематичность изучения и реконструкции культурной истории науки связана с тем, что процесс дискурсивного взаимодействия в рамках свободных искусств не был линейным, нормированным, ориентированным на прогресс в силу того, что открытая научно-образовательная среда только формировалась и сама испытывала влияние доминирующих или модных дискурсов.

Погружение в более широкий культурный контекст дает совершенно иное представление об историческом периоде и позволяет открыть иные векторы развития научных практик и представлений, включающие неоплатонизм, витализм, алхимию, герметизм и христианскую теологию. Благодаря обращению к культурному контексту развития науки и/или «культурной истории науки» можно исследовать существовавшие научные дискурсы и практики раннего Нового времени с позиций их рецепции и интерпретации современниками.

Резюмируя актуальность исследования, стоит подчеркнуть, что в истории культуры проблемы открытости науки не раз были связаны с обсуждением ряда вопросов, связанных с последствиями ее рецепции в культурном пространстве. Среди них можно выделить следующие: в каких пределах и как возможно сделать знание доступным для всех? Как осуществляется взаимодействие между научным и обыденным языком в процессе дискурсивной практики? Какие визуальные, вербальные и институциональные стратегии можно использовать для продвижения знаний в социокультурном и политическом пространстве? Насколько демократичны и самоуправляемы научные институты? В какой мере общество доверяет ученым, и как можно влиять на восприятие открытий обычными людьми?

Необходимо отметить, что методологический, институциональный, социокультурный, историко-политический и интеллектуальный контексты, в которых формировалась наука раннего Нового времени и современная наука, существенно различаются, но вышеперечисленные вопросы возникают вновь и вновь, поэтому частные способы решения проблемы открытости могут отличаться (что далее продемонстрировано в процессе исследования). Анализ конкретного культурно-исторического опыта может подсказать или откорректировать пути решения и сегодняшних задач.

Степень изученности проблемы. История научной революции, как и история английской культуры раннего Нового времени, не являются новыми объектами изучения, им посвящено достаточное количество работ. В их числе в последние двадцать лет все чаще встречаются исследования, пытающиеся объединить эти две сферы изучения. Среди ученых, занимающихся разработкой данных областей можно встретить философов, методологов, астрономов, химиков, физиков, историков науки, социологов науки, историков культуры, филологов, искусствоведов и др. Можно выделить несколько больших групп, где исследуются интересные нас сегменты культурной истории науки: формирование методологии нового знания, появление ученого и институций нового типа, история основных идей и концептов науки раннего Нового времени, междисциплинарные исследования культурной истории науки. Необходимо также отметить, что на протяжении XX – XXI вв. ученые даже в рамках отдельных дисциплин предлагали полемические концепции и взгляды.

Первая группа исследований относится к области *методологии науки*. Здесь одной из первых сформировавшихся концепций было представление о линейной эволюции знания и метода. Она представлена в работах Дж. Л. Э. Дрейера, Э. Гранта Б. Л. ван дер Вардена, А. Т. Григорьяна, В. И. Арнольда, В. П. Борисова, Б. Г. Кузнецова и др. С одной стороны, они позволяют обозначить важные для современной науки прогрессивные сюжеты исследования, с другой – оставляют за рамками те идеи, которые не нашли развития в современном естественнонаучном и математическом

знании.

Альтернативную версию формирования научного метода в его связи с культурно-историческими контекстами предложили С. Шейпин, В. Линч, П.П. Гайдено и А. В. Ахутин. Они восполнили недостатки линейной истории науки и доказали, что формирование современной модели знания, опирающейся на наблюдение, опыт, эксперимент, математическую рациональность, на сочетание индуктивного и дедуктивного методов было нелинейным и не всегда прогрессивным. Для данного исследования особенно продуктивной является мысль А. В. Ахутина, что наука Нового времени и эксперимент были изобретены как сочетание мыслимого, видимого и испытываемого.

Самостоятельную область представляют работы, выполненные с позиций «нового историзма». Интересны исследования С. Гринблатта, который предлагает в качестве отправной точки научной революции и секуляризации мышления перевод на латинский язык в начале XV в. поэмы Лукреция «О природе вещей».

Внутри этого корпуса стоит особо выделить группу авторов, которые занимались связями между формированием методов новой науки и ренессансным неоплатонизмом. А. Койре считал, что началом научной революции стало методологическое противостояние платоников и аристотеликов, которое привело к утверждению математики как критерия истины и изменению картины мира в целом. Эту же точку зрения развивает Р. Рорти, полагая, что сверхъестественный мир для интеллектуалов XVI в. моделировался платоновским миром Идей. Но влияние философии Платона и неоплатоников на английскую науку и культуру невозможно без знакомства с его текстами. Здесь мы обратились к работам С. Джейн и Л. В. Софроновой, которые изучают историю проникновения идей Платона и М. Фичино в Англию через гуманиста Дж. Колета, оказавшего существенное влияние на интеллектуальный климат Англии и политику Генриха XVIII в сфере образования и медицины. С. Р. Джейн также прослеживает историю публикаций Платона и его рецепцию в Англии от времени ранних Тюдоров до Стюартов и полагает, что влияние неоплатонизма на английскую культуру сер. XV – XVI вв. историками науки было преувеличено. Влиянию Платона на основные концепты раннего Нового времени от Николая Кузанского до Р. Флалда и Беркли графа посвящена монография «Платонизм у истоков современности: Исследования платонизма и ранней современной философии». Э. Кассирер подробно описывает Кембриджских платоников, связывая их с Платоновской академией Фичино, которые были враждебны Бэкону и его последователям.

В отдельную группу следует выделить ученых, которые доказали, что христианство, неоплатонизм, витализм, алхимия и мистические практики были полноправной составляющей научной революции, а не курьезным пережитком. Так Ф. Йейтс сделала попытку осмысления влияния идей неоплатонизма, герметизма и алхимии на отдельных ученых и некоторые научные концепции. В. П. Визгин видит методологические корни происхождения современной экспериментальной науки в герметизме и алхимии. Благодаря работам В.Л. Рабиновича, Дж. Мендельсона, У. Ньюмена алхимическая составляющая стала общепризнанным источником развития опытного знания. Дж. В. Голински обращается к процессу, когда алхимия трансформировалась в химию. Он отмечает особенно ценный для нас факт, что немаловажную роль в этом сыграли конкретные публичные практики демонстрации химических опытов,

репрезентируемых Р. Бойлем и членами ЛКО как «благородное зрелище». Это позволило его оправдать, преобразовать закрытый алхимический дискурс в открытый химический, привить интерес и доверие публики к этому чудесному и таинственному знанию.

Поскольку алхимия претендовала стать универсальным знанием, то ее терминология и метафорический язык быстро мигрируют в свободные искусства. В связи с этим особый интерес представляет книга «Искусство и алхимия» под редакцией Я. Вамберга, где изучается влияние алхимии на культуру: от северо-итальянского кватроченто и маньеризма до искусства фотографии, французскую и немецкую культуру вплоть до XX в.. Я. Вамберг подчеркивает, что основой для взаимодействия между искусством и алхимией было представление о родстве между алхимическим процессом и творческим артистизмом, что привело к заимствованию алхимических образов и символов. В издательстве «University of Chicago Press» готовится к публикации книга «Искусство и алхимия: Таинство трансформации», где анализируется влияние идей «королевского искусства» не только на формирование химии, но и на живопись с XVI в. до современных художников, которых привлекает представление о духовной и физической трансмутации.

Вторая группа исследований *посвящена истории формирования ученого нового типа*, она включает большое количество работ, которые, как правило, изучают биографии выдающихся ученых (Дж. Босси, М. Фейнгольд, А. Чапмен, Ю. А. Белый, А.Н. Боголюбов, Б. Г. Кузнецов, И.С. Дмитриев и др.), где собран ценный фактографический материал (иногда небесспорный). Биографические исследования развиваются на протяжении XX – XXI вв. и представляют разные версии интерпретации жизни ученых, и часто способ их репрезентации зависит от концепции познающего субъекта и представления о предназначении науки в целом.

Особое внимание следует уделить концепции Ле Гоффа, который положил начало исследованиям специфики интеллектуального труда и проследил появление в европейской средневековой культуре нового типа ученого – «интеллектуала», трансформировавшегося в эпоху Возрождения в гуманиста. Исследование феномена гуманизма, начатое Я. Буркхардом, наделившим ренессансного человека свободой творчества, неоднократно вызывало массу вопросов. П. Кристеллер, стремясь приземлить пафос свободы, рассматривал «*studia humanitatis*» как критическую образовательную программу, которая в соединении с субъективной составляющей гуманистов стала основой для зарождения европейского секуляризма и отделения познания от религии. О. Л. Акопян расширяет это понятие (*humanitas* – это триада *eruditio*, *philanthropia* и *unitas*). Можно утверждать, что именно гуманисты стояли у истоков так называемой «научной революции», поскольку Возрождение, начавшееся с гуманитарного проекта «*studia humanitatis*», непосредственного обращения к античным источникам, закончилось трансформацией всех свободных искусств.

В отдельную подгруппу работ следует выделить современные исследования, связанные с тем, что на рубеже XXI в. происходит «антропологический поворот» в изучении фигуры ученого. Авторы книги «Воплощенная наука: Историческая инкарнация научного знания» под редакцией К. Лоуренса и С. Шейпина предлагают связать историю науки с телом ученого, как инструментом познания. П. Смит в книге «Тело ремесленника. Искусство и опыт в научной революции» расширила социальные и хронологические рамки научной революции, полагая, что художники,

плотники, ювелиры и ремесленники конца XV–XVI вв. практиковали пристальное внимание к природе и телесное взаимодействие с ней посредством опыта и активных манипуляций с физическими материалами. Они сделали природу авторитетным источником знания, зародив у гуманистов интерес к его практической составляющей и предвосхитив бэкониянскую «новую философию» и индукцию. Преодолели негативное отношение к ручному труду (*techne, praxis, experiential*) и аристотелианскую иерархию познания, а коллективная работа нивелировала роль гения и создала основу для научного коммунизма

Третья обширная группа научных работ посвящена изучению *институциональных и социальных форм науки*. Здесь нужно особо выделить исследования (популярные до сих пор) в области социологии знания, начало которым положил Р. Мертон. Он изучил формирование и развитие науки в Англии в контексте протестантской этики и интересов джентри, что представляет несомненный интерес в связи проблемой формирования открытого коммуникативного пространства (это направление исследования продолжили С. Ф. Масон, Дж. Могран, Р. Кролл и др.). П. Харрис в этой связи полагает, что возникновение английской науки и промышленной революции связано с протестантским отношением к текстам, что создало условия для научных исследований и технологического освоения природы. Он показывает, как оправдание экспериментального изучения природы произошло благодаря встраиванию библейской и теологической протестантской риторики в научные практики и тексты. Концепция Харриса важна для понимания принципа взаимодействия религиозного и научного дискурсов в культуре Англии раннего Нового времени, который базировался на идее, что религия не противоречит занятиям наукой, поскольку она может принести не только материальные блага, но и способствовать совершенствованию души.

Социальная философия представляет отдельный сегмент в исследовании институциональных механизмов происхождения и развития новой науки, что представляет несомненный интерес. Т. Кун полагал, что революции происходят благодаря смене научных парадигм, это вызвало критику И. Лакатоса, предложившего концепцию конкурирующих научных программ, когда доминирующие научные программы могут реконструироваться под влиянием новых факторов или уходить на второй план, причем, причины этих процессов не всегда бывают рациональными. В свою очередь, П. Фейерабенд видел причины научных революций в разрушении метода, который, по его мнению, становится препятствием для развития науки, поскольку ограничивает воображение и субъективность исследователя. Для нашего исследования наиболее продуктивной является концепция П. Фейерабенда, так как проникновение научных дискурсов в культуру быстрее всего происходит через воображение реципиентов.

Традиционной областью исследования является история конкретных научных институций (английских и европейских академий, научно-образовательных пространств раннего Нового времени), которая представлена в ряде работ (М. Хантер, Р. Хан, Б. Дж. Шапиро, Л. Стоарт, М. Б. Холл, Ловуд Х. Е, М. Бьяджоли, А. Строуп, У. Имон, Д. Р. Келли, Р. Х. Попкин, Д. Дж. Старди, С. П. Памфрей, Р. Старк, А. Фантоли, Д.Л. Сапрыкин, О. Ф. Кудрявцев, О. Б. Дубова и др.). Здесь изучены такие проблемы, как их структура и управление, роль патронажа в становлении академий, влияние ученых и научных практик на формирование моделей научных и образовательных институций

общества модерн. Эти вопросы так или иначе будут отражены в данном исследовании, но в связи с проблемой открытости этих институций.

Отдельно следует отметить работы Х. Керни, который исследует трансформации функций университета в английском постреформационном обществе. Но изменения университетской среды не удовлетворили запросы горожан, поэтому особое место в научно-образовательной среде раннего Нового времени занимали такие публичные пространства, альтернативные академиям и университетам, как Грэшем-колледж, которые были призваны приобщать к новому знанию купцов, ремесленников, моряков и т.д. Грэшем-колледж является объектом пристального внимания и нашего исследования, поэтому то небольшое количество работ, которое посвящено ему (Ф. Р. Джонсон, Д. Хьюсон, Х. Хартли, Х. Ф. Керни, И. Р. Адамсон, А. Чапмэн, Р. Шартр, Д. Вермонт), позволяют определить его место в открытой научно-образовательной среде Англии.

Непосредственная область наших интересов связана со складывающимися практиками и формами открытости нового научного знания, поэтому мы выделяем особую группу исследований, посвященных им. В связи с тем, что ученые стремились представить свои опыты, открытия и изобретения публике, формируется особый модус репрезентации знаний, который Майкл Линн называет популярной наукой («popular science»). Этот термин можно отнести и к английской культуре. Линн исследует этот процесс на примере экспериментальной физики во Франции XVIII, когда научное знание инкорпорируется в культуру, политику, экономику и литературу посредством публичных лекций, клубов, салонов и т.п. Открытость науки связывается с идеями Просвещения, причем публика состояла из элиты и простых горожан, в том числе и женщин. Эти наблюдения ценны и для культуры Англии раннего Нового времени, поскольку в открытые научные пространства достаточно рано проникает зрелищность. Возможно, это связано с тем, что социальный, гендерный и возрастной состав публики и уровень ее образования был крайне разнородным.

На основе концепции Ю. Хабермаса о публичной сфере авторы коллективной монографии «Наука и гражданское общество» (Science and Civil Society) исследуют на концептуальном и институциональном уровнях политические отношения, которые формируются между наукой и гражданским обществом в Англии, Германии, Франции, Америке, России и Китае в кон. XVII – XX вв. Один из авторов сборника, Г. Кук, полагает, что анатомические знания о человеке изменили в Англии и Европе XVII в. взгляд на платоновскую идею всеобщего блага, политического тела, соотношение между индивидуальным и всеобщим, разумом и страстями. В исследовании Кука показан один из механизмов дискурсивного влияния науки на сферы деятельности, которые к ней напрямую не относятся, что представляет несомненный интерес.

Здесь же можно упомянуть об исследованиях, которые демонстрируют прямую экспансию научных идей в архитектурное городское пространство. Открытые научные практики, стремление ученых и научных сообществ содействовать общему благу, их участие в архитектурных проектах привело к трансформации городской среды. Исследованию этого влияния посвящен проект «Theatrum Scientiarum», который изучает европейские пространственно-архитектурные решения XVII в., где проходила репрезентация научного знания, что привело к взаимовлиянию науки и искусства (театра, живописи, архитектуры). Эта тенденция, заложенная в раннее Новое время,

нашла свое продолжение вплоть до XX в., что отражено в монографиях «Наука и город» (Science and the City) и «Метрополия и провинция: Наука в британской культуре, 1780–1850» (Metropolis and Province: Science in British Culture, 1780–1850).

Особая область институциональных исследований посвящена «Республике письма» (Д. Люкс, Г. Кук, Р. Мэйхью, А. В. Стогова, В.С. Трофимова). Этот феномен, основанный на специфическом способе коммуникации между учеными, способствовал созданию научных институций. Его понимание необходимо для нас, поскольку позволяет вписать английскую культуру научного знания в общеевропейский контекст, и понять, как осуществлялось общение на научные темы внутри Англии при неразвитости средств коммуникации. Понятие «Республика письма» («Республика учености» или «Невидимый колледж») исследователи вначале распространяли только на XVII – XVIII вв., но сейчас истоки этого явления, объединявшего интеллектуалов вне национальных границ, находят уже в XV в. В университете Стэнфорд в лаборатории центра «Гуманитарных исследований» создан междисциплинарный виртуальный цифровой проект «Mapping the Republic of Letters», который на основе анализа переписки, путешествий, обмена публикациями и идеями ученых XVII – XVIII в. позволит при помощи картографирования выявить ученых, становившихся центрами коммуникации, доказать существование «Республики письма», определить ее границы и ответить на вопрос – «где началось Просвещение».

«Mapping the Republic of Letters» связан с цифровым проектом Бодлианской библиотеки и Оксфорда «Cultures of Knowledge: An Intellectual Geography of the Seventeenth-Century Republic of Letters», который ставит перед собой задачу изучить историю научной революции XVII в. через призму интеллектуальной, религиозной, культурной, социальной и политической истории. Выявление интеллектуальной географии разнообразных культур знаний предполагает анализ переписки не только ученых, но и правителей, аристократов, джентльменов, дипломатов, военных, горожан, врачей, аптекарей, священнослужителей, учителей, студентов и преподавателей, издателей и книготорговцев, купцов и путешественников, изготовителей инструментов, ремесленников, алхимиков и астрологов. Отмечается, что женщины в этом сообществе занимали незначительное место из-за социальных ограничений к доступу в систему образования и научные институции. Дж. Голински замечает, что причиной этого были также представления того времени о холодно-влажной гуморальной природе женщин: они считались менее приспособленными к занятиям философией, поскольку больше подвержены влиянию страстей и желаний, что мешает работе разума.

Для понимания того, как работали внеинституциональные формы коммуникации, особую ценность представляют гендерные исследования в области культурной истории науки. Несмотря на то, что женщины долгое время были исключены из истории науки, сегодня активно развиваются исследования, посвященные женщинам-философам и ученым (Дж. Уолш, Дж. Мэсон, С. Эдвардс, С. Хаттон, А. Конвей, М. Б. Кэмбелл, П. Дир, Г. Стар, А. Берд-Бэйдингер, А. Баттиджелли, Д. Норбрук, Р. Барбур, Дж. Голдберг, Ф. Харрис, Р. Кролл и др.). В Англии XVII в. наиболее яркими фигурами являются герцогиня Маргарет Кавендиш и Люси Хатчинсон, первая переводчица Лукреция на английский язык. Поскольку женщины не имели доступа в университет и осваивали

новые для общества идеи и практики посредством домашнего образования и публичных лекций, то изучение этой области позволяет понять, как происходила и трансформировалась в обществе внеинституциональная рецепция новых форм и практик знаний.

Особый интерес представляют работы, посвященные проблемам, связанным с формированием норм и практик открытости научного знания. Их мы выделяем отдельную подгруппу среди институциональных исследований. П. Дазгупта и Пол А. Дэвид рассматривают политические причины, благодаря которым произошел переход от закрытого знания к открытому в науке Раннего Нового времени. П.А. Дэвид истоки «открытой научной революции» находит в раннем Новом времени. Он также анализирует экономику выгоды современного научного знания, этос которого сложился в раннее Новое время из таких элементов как коммунализм, универсализм, бескорыстность, оригинальность, скептицизм и идея прогресса. Они позволили научным сообществам накапливать и развивать знание, проверять его на достоверность (см. также: Р. Мертон, А. Зилсел, С. Лили, А. Дж. Молланд, Е.З. Мирская, Н. В. Демина).

П. Дазгупта и Пол А. Дэвид полагают, что открытость стала косвенным стимулом для формирования коллегиальной системы вознаграждения и способом избежать дублирования исследовательских усилий, что привело к быстрому признанию открытий и росту знаний. П. Дэвид считает, что историческими корнями формирования уникальной культуры «открытой науки» является архаичная форма аристократического патронажа (светского и церковного), который имел своей целью пользу, символический статус, победу в политической конкуренции, демонстрацию власти.

У. Имон анализирует переход к открытому знанию от «закрытого», стремящегося сохранить божественные тайны и тайны природы от профанов («Secretorum Secretum»). К факторам, способствовавшим формированию публичного модуса науки, он относит: появление в XVI в. практики патентов, желание ученых сделать часть знаний доступными, бэконский проект науки как всеобщего достояния, который в Англии стремились реализовать Я. А. Коменский, С. Хартлиб и члены ЛКО. Р. Айлифф оспаривает идею мертоновского коммунализма на примере полемики между Гюйгенсом и Р. Хуком, полагая, что норм определения интеллектуальной собственности не было, и предлагает использовать термин «конвенции», которые складывались между спорящими сторонами.

По мнению М. Бьяджоли, важным элементом открытости экспериментального знания был доступ не только к текстам, описаниям приборов и опытов, которые не всегда гарантируют их репликацию (точное воспроизведение), но и к демонстрации самих экспериментов и конструированию приборов. Ученый находится в контексте неявных знаний (like tacit knowledge), этикета аргументации, дискурсивных и телесных практик, дисциплины чувств и поведения, мастерства, знаний, не ставших предметом рефлексии или словесного выражения, которые передаются учителем ученику или существуют в сообществе ученых.

Бьяджоли отмечает, что на протяжении XVI – XVIII вв. в Европе не существовало единой законодательной системы и международных соглашений о патентах, поэтому он не устанавливал приоритета, действовал локально. Если публичный доступ к рукописям и чертежам был закрыт, то в силу вышеизложенных факторов, патент не мог защитить автора от копирования и плагиата. Кроме

того, существовал ряд проблем, связанных с «коллективным авторским правом». Р. Бойль настаивал на раскрытии секретов во имя «общего блага», но этого было трудно добиться даже в рамках ЛКО.

Вышеописанные практики открытости дополняло непосредственное взаимодействие между учеными и горожанами из разных сословий в публичных пространствах. Осмыслению этого явления посвящен ряд работ. Б. Коэн в книге «Социальная жизнь кофе: рождение британских кофеен» исследует потребительскую революцию, совершенную кофе в Англии XVII в. Он приходит к выводу, что в распространении кофеен сыграла культура любопытства (*culture of curiosity*) и экзотичности, которую прививали «виртуозы». Кроме того, лондонские и оксфордские кофейни стали площадками для обмена и обсуждения научных идей, местом общения и с патронами и горожанами, там же с 60-х гг. XVII в. читались и публичные лекции Грэшем-профессорами и членами ЛКО.

Р. Айлиф полагает, что социальные границы между аристократами, джентльменами и ремесленниками были проницаемы. Они обменивались информацией не только в лондонских кофейнях, но и в ремесленных мастерских, Грэшем-колледже и ЛКО. Не было жесткой границы между натурфилософией, утилитарной кустарной культурой и строительством, которыми занимался Р. Хук (грэшемит и секретарь ЛКО), этим объясняется феномен его виртуозности и универсальный характер деятельности.

Р. Айлиф также отмечает, что в истории и социологии науки недостаточно внимания уделяется изучению «technicians» (лаборантов, помощников, ассистентов, в том числе и женщин), которые остаются «невидимыми» (причем, наиболее неизвестными остаются женщины-помощницы), поскольку их работа долгое время оставалась в пространстве между ремесленным мастерством и учеными. «Notes and Records: the Royal Society journal of the history of science», который открывает статья Айлифа, посвящен изучению этого феномена в XVIII – XX вв., тем не менее, практики взаимодействия между учеными и ремесленниками уже возникают в Уранеборге Тихо Браге, в Грэшем-колледже и ЛКО. Формы их организации развивались от моделей «семьи» и корпорации до проектов индустриального масштаба в XX в.

Исследование М. Радвика, который анализировал научные коммуникативные площадки Англии XIX в., можно применить и к XVII-му. Он пришел к выводу о том, что научная среда состояла из двух основных компонентов: «элиты», производившей новое знание, определяющей ценность теорий и исследований, предпочитающей свои гипотезы; и «любителей», чьи теории обычно отвергались элитой, хотя и обеспечивали ее исследованиями и концепциями. Заинтересованная публика рассматривалась элитой и «любителями» в качестве аудитории, причем эрудиты могли относиться ко всем трем категориям одновременно. Любители, виртуозы, информаторы, болтуны и слушатели довольствовались подражанием. К этим наблюдениям можно добавить следующее: эта структура публичной научной среды начала складываться с появлением Лондонского королевского общества и Французской королевской академии наук.

Поскольку Лондонское королевское общество, в отличие от Французской королевской академии наук, не имело финансовой поддержки из казны, то ученые, показывая эксперименты и доказывая практическую пользу открытий, стремились привлечь деньги патронов и горожан. С появлением публичных форм репрезентации науки, как отмечает Л. Стюарт, публичные

демонстрации опытов в условиях коммерциализации порождают ряд проблем: манипуляции публикой, театрализацию, демонстрацию эффектов и чудес природы, рекламу для продажи научных инструментов и т.п.. В связи с войной за независимость США и французской революцией в Англии обостряются споры о необходимости привлечения простолюдинов к занятиям наукой, в чем Дж. Пристли и Б. Франклин видели один из способов продвижения эгалитарности и демократии.

Нужно отметить, что проблема открытости/закрытости научного знания осмысливается между полюсами риторики бескорыстного поиска истины и служения Богу, «всеобщего блага», желанием продвигать изучение науки и личностными интересами ученых, патронов, властителей, корпораций и государств, стремящихся извлечь из него экономическую, политическую и социальную выгоду, что было связано с конкуренцией на всех уровнях.

К четвертой группе работ мы относим *историю основных идей и концептов науки* раннего Нового времени, в том числе, самого понятия «научная революция» и «интеллектуальная революция», которая предполагает не только смену картины мира, но и разрушение традиций, ментальных установок, ценностных ориентиров и моделей поведения людей (Дж. МакКолли, А. Григорьян, А. В. Ахутин, П. П. Гайдено, Д. Н. Дроздова, В. С. Черняк). Тем не менее, С. Шейпин заявляет, что термин «научная революция», который означает победу рациональности над средневековой религией и оккультизмом, является модернизацией, поскольку социальный, политический и религиозный аспекты развития общества были инкорпорированы в средневековые научные идеи и практики.

Проблематично и употребление относительно XVI – XVIII вв. и термина «ученый» (scientist). В «Ежеквартальном обозрении» (The Quarterly Review) 1834 г. описывается заседание «Британской ассоциации продвижения наук» (осн. в 1831 г. как альтернатива ЛКО), где ее члены обсуждают необходимость создания универсального термина, объединяющего математиков, химиков, физиков и естествоиспытателей, которых уже невозможно назвать натурфилософами из-за широты этого слова. Как отмечает Л. М. Косарева, слово «ученый» не передает необходимых смысловых нюансов, поскольку те, «кто закладывал основы пауки Нового времени, сами называли себя «магами», «виртуозами», «натуралистами», «натурфилософами», «энтузиастами экспериментальной философии»». По мнению П. М. Бицilli, в XVI–XVII вв. преобладали художники-универсалы, которые предпочитали называть себя «виртуозами». Термин «ученый» утвердился за исследователями в области точных и естественнонаучных дисциплин с сер. XIX в. и до сих пор сохраняет это словоупотребление. В данной работе мы употребляем его в этом значении, поскольку слова «маг», «виртуоз», «натуралист», «натурфилософ», «энтузиаст», «артист» сейчас приобрели в научном дискурсе либо негативные коннотации, либо применяются к видам деятельности, не относящимся к научным изысканиям (музыке, живописи, театру и т.п.), не отражают специфики научной деятельности. Хотя русское слово «ученый» применимо к занятиям гуманитарными и естественными науками, что соответствует универсализму интеллектуалов изучаемого периода. Кроме того, слово «наука» (лат. «scientia» и англ. «science») употреблялось в раннее Новое время в значении, близком к современному, и определялось как род занятий.

К изучению заявленной темы методологически наиболее близки *междисциплинарные исследования и культурная история науки* (Cultural Studies of Science, Cultural History of Science),

которые мы отнесли к последней пятой группе. Их развитие в последней трети XX в. связано с неудовлетворенностью моделями истории науки, основанной на линейном разворачивании рационального дискурса. Возникает потребность обратиться к нелинейной модели истории, включающей нерациональные социальные, институциональные, религиозные и эстетические компоненты, что дает более полное представление, в том числе, и о периоде «научной революции», в котором как медиевисты, так и специалисты по раннему Новому времени стали находить все больше следов от прошлых эпох и последовательно отказываться от идеи прогресса и модернизации.

Культурная история науки позволяет изучать социокультурный контекст развития науки и проследить возникающие от проникновения нового знания в публичную сферу эффекты и влияние поэтических, риторических, политических, религиозных, этических и др. дискурсивных практик на науку. К числу таких исследований можно отнести вышеуказанные работы И. С. Дмитриева, Л. М. Косаревой, Дж. В. Голински. Э. Грант исследует средневековые корни научной революции с точки зрения институций, истории развития математики и основных методологических идей. Интересна диссертация М. Р. Родаевой, которая на основании социально-культурологического понимания науки реконструирует культурно-исторический феномен английского естествознания второй пол. XVII в.

В особую подгруппу стоит выделить работы, которые используют анализ дискурса для исследования науки раннего Нового времени. В. В. Зверева рассматривает эволюцию от Античности до XVIII и второе рождение в Европе XVI в. дискурса «естественной истории» как нарратива, который включал художественное, дидактическое и дилетантское знание о природе, отличавшееся эклектичностью, прагматизмом и персонализацией. В данном случае для нас важно описание явления, где обнаружено дискурсивное смешение. В коллективной монографии «Полемическая культура и структура научного текста в Средние века и раннее Новое время» анализируются дискурсивные стратегии интеллектуальной культуры спора и аргументации: философские и научные идеи рассматриваются как продукты речевых практик; социальных, политических, институциональных коммуникативных условий; жанровых и логико-семантических моделей.

Проекты междисциплинарных исследований также можно выделить в отдельную подгруппу. Журнал «Science in Context» представляет междисциплинарный подход к изучению науки с точки зрения культурного развития, что позволяет объединить историческую, социальную, философскую и эстетическую составляющие науки. Издательский проект «International Archives of the History of Ideas» публикует книги, где заявлен новый взгляд на историю идей и междисциплинарные исследования. Он ориентирован на изучение интеллектуальной истории от эпохи Возрождения до пост-Просвещения, включая публикацию и перевод неизвестных источников. Проект «The Cambridge History of Science» включает в себя исследования культурно-исторических практик науки от Античности до современности.

В отдельную подгруппу мы выделяем работы, в поле внимания которых попадает общий интеллектуальный, эстетический и культурный контексты научного знания, к ним можно отнести работы Д. С. Линдберга и Э. Гранта. О. Джинджерич показывает связь науки и привычных практик

ученых с творчеством и артистизмом. Ряд работ посвящены эстетической составляющей нового космоса и казуального восприятия (Ф. Халлин, Т. Дж. Рейсс, Б. Г. Кузнецов). Эти исследования интересны для понимания того, как соотносятся между собой научный текст и культурный контекст, в котором он возник и используется.

Необходимо оговорить, что анализ, построенный на аналогии между наукой и эстетическими категориями не всегда продуктивен. Примером подобных исследований могут послужить монографии «Наука в эпоху барокко» (Science in the Age of Baroque) и «Барочная наука» (Baroque science). Их авторы выдвигают идею, что новая наука соответствует стилю барокко, их объединяет атмосфера парадоксов и дилемм, интеллектуального напряжения между мнимым и видимым, скептицизм и меланхолия. Употребление термина «барочная наука» нам представляется проблематичным, поскольку это может повлечь за собой экстраполяцию эстетических терминов на всю историю науки. Словосочетания «классицистическая наука», «романтическая наука», «реалистическая наука», «символическая наука» и т.п. вряд ли можно продуктивно использовать. Термин «барочная наука» может быть применен только к форме репрезентации научного знания, поскольку на научный стиль и способы репрезентации научных идей в раннее Новое время оказывают влияние художественные формы, жанровые виды и риторические стили. Для художественных дискурсов присуща своя специфика рецепции научных идей и их интерпретация (см. например: Е. Б. Гилман, П. Грант, Дж. Боно, И. О. Шайтанов). Этот аспект не был предметом отдельного комплексного исследования историков науки, поскольку художественные тексты служили, скорее, иллюстративным материалом.

Наибольший интерес для нас представляют работы, посвященные художественным текстам, где основным объектом изображения являются научные идеи или сообщества ученых. Они тоже выделены нами в подгруппу. С развитием междисциплинарных исследований появляются работы, где английские художественные произведения раннего Нового времени изучаются с точки зрения влияния научных идей и практик (Ф.Т. Шервуд, М. Николсон, Х. Остович, П. Грант, Р. Чен-Моррис, О. Гал, Е. Спиллер, К. Коффин, Г. Робак, Х. Уилкоккс, Дж. Эмерсон, К. Сведсен, К. Эдвардс, Х. Хендерсон, А. Дюран, Дж. Клеменс, Дж. М. Гилд, Д. Кларк, Р. Маркли, Ф. Бойль, А. Нестеров, А. В. Сидорченко, В.С. Трофимова, А. А. Чамеев, сборник «Наука, риторика и литература в Англии раннего Нового времени» (Science, Literature, and Rhetoric in Early Modern England)). Исследователи уделяют основное внимание У. Шекспиру, некоторым произведениям Дж. Донна, «Магнетической Леди» Б. Джонсона, «Потерянному Раю» Дж. Милтона, «Виртуозу» Т. Шедвилла, произведениям А. Поупа, Афры Бен, некоторым поэтам второго ряда, воспроизводившим идеи Ньютона в пер. пол. XVIII в.

Д. Тревор в монографии «Поэтика меланхолии в Англии раннего Нового времени» изучает, как под влиянием нового аналитичного медицинского дискурса меняются модели самоописания в художественных и нехудожественных текстах от Ф. Сидни, Дж. Донна, У. Шекспира, Р. Бертона до Дж. Милтона. Л. Ю. Лиманская изучает эволюцию представлений о зрении и оптике от античной культуры до Новейшего времени на основе философских, религиозных, эстетических, анатомических и физических представлений, опираясь на базовые концепты эпох («зрение как отражение и преобразование», «видение глазами сердца», «созерцание как любовование» и т.д.).

Появляются исследования, где ученые-естественники изучают художественные произведения, отражающие научные идеи. К ним можно отнести работу известного астронома-любителя Д. Леви, где он рассматривает влияние астрономических открытий на английскую литературу раннего Нового времени.

Как правило, вышеописанная область исследования связана с изучением истории идей. Подобный опыт культурно-исторического анализа восходит к книге А. Лавджоя «Великая цепь бытия», которая положила начало биографии идей. Это направление было продолжено в американском журнале «Journal of the History of Ideas», основанном в 1940 г. с целью исследовать интеллектуальную историю с точки зрения пересечения науки и культуры.

Тем не менее, анализ художественного произведения в его эстетической и жанровой целостности, который бы полноценно включал и интерпретацию научной идеи, практики или открытия, остается за рамками исследования. Чтобы решить эту задачу, необходимо не только изучение художественных текстов, испытавших влияние «новой философии», но и обращение к естественнонаучным работам, точная реконструкция научных идей и социокультурного контекста и осмысление вышеперечисленных факторов в пространстве художественного произведения, что и положено в основу данного исследования.

При разнообразии вышеописанных подходов, решений общетеоретических и частных проблем, связанных с историей научной революции, возникает потребность соединить между собой историю метода, идей, научных институций, публичного пространства науки, ненаучные практики (религиозные, эстетические, риторические, жанровые и поэтические) в английской культуре раннего Нового времени, что не было реализовано как самостоятельная цель.

Художественное слово и визуальные образы раннего Нового времени откликаются на теологические, социальные, политические, научные, философские дискуссии, что требует их реконструкции, которая, как правило, остается областью комментария. В связи с этим важно отметить продуктивную для данного исследования мысль С. Н. Зенкина, который, говоря об интеллектуальной истории сакрального, проблематизирует материал исследования, поскольку для нее «недостаточно одного лишь относительно однородного материала науки и философии, эта история охватывает и художественную литературу, кино, публицистику и т. д.», – то же самое мы можем сказать относительно интеллектуальной и эстетической рецепции научных идей в культуре.

На недостаточности применения исключительно филологического анализа к художественным текстам барокко настаивал А. В. Михайлов, который подчеркивал их отличительную черту: «научное и «художественное» сближено и «содержательный принцип, который никак не может быть уловлен читателем и в некоторых случаях может быть доступен лишь научному анализу». Риторически, поэтически и драматически окрашенная художественная речь всегда имела конкретного адресата и была привязана к социокультурной и исторической реальности, сохраняя установку на подчинение косной материи языка благородной форме. Поэты, драматурги и художники, обращаясь к друзьям, возлюбленным, покровителям и прихожанам, апеллируют к узнаваемым ими библейским, поэтическим, теологическим, натурфилософским топосам своего времени, что часто порождало появление похожих образов в разных дискурсах. Поэтому важно понять, при каких социокультурных условиях возник тот или иной концепт

(кончетти), кому предназначено послание, и какова его цель.

Нужно говорить не об эпистеме или «наложенных друг на друга эпистемах» (так как последнее высказывание демонстрирует модернизацию культуры), а о проникновении научных дискурсов раннего Нового времени через христианские представления Средних веков, соединенные с ренессансным неоплатонизмом. Старое знание не выбрасывается, часто в него встраивается новое, более того, оно служит основанием и авторитетом для нового. История науки, редуцированная к прогрессу, нивелирует жанровую специфику отдельного произведения, унифицирует живой поэтический образ. Хотя осторожное и точное соединение методов позволяет раскрыть текст через актуальный ему культурный, философский, исторический, литературный, социальный, научный, теологический и интеллектуальный контексты, которые вступают в дискурсивное взаимодействие.

Объект исследования – социокультурная среда, в которой формировалось новое научное знание Англии раннего Нового времени.

Предмет – репрезентации научных открытий, идей и практик в культуре Англии раннего Нового времени.

Цель исследования – выявить методологические, институциональные основания и дискурсивные стратегии проникновения нового научного знания в публичное пространство Англии XVI – нач. XVIII вв. и рецепцию научных дискурсов в культуре.

Поставленная цель позволяет определить следующие **задачи**:

1. рассмотреть влияние на методы, идеи и дискурсы свободных искусств ренессансного неоплатонизма и витализма, которые создавали основу для взаимодействия науки, поэзии и живописи в английской культуре раннего Нового времени;
2. исследовать в Англии XVI – XVII вв. полемику о соотношении свободных искусств и низших когнитивных способностей души (зрение, воображение, память) с точки зрения их пользы и способности постижения истины;
3. проанализировать трансформацию в культуре и науке Англии XVI – нач. XVIII вв. таких базовых эпистемологических концептов как «иерархия», «Вселенная» и «тело», изменивших эпистему раннего Нового времени;
4. изучить трансформацию научных институций Англии раннего Нового времени, которые производили и транслировали новое знание на принципах открытости, что привело к его рецепции в культуре;
5. обозначить основные дискурсивные стратегии открытости, при помощи которых английские ученые репрезентируют научное знание людям, не принадлежащим к их сообществам;
6. исследовать рецепцию, интерпретацию и репрезентации англичанами (не учеными) научных открытий, институций и ученых в обозначенный период; проанализировать английские вербальные и визуальные тексты раннего Нового времени, которые посвящены репрезентации и интерпретации научных идей;
7. найти точки схождения / расхождения, совпадения / наложения дискурсов в художественной культуре и науке Англии XVI – нач. XVIII вв.;
8. раскрыть специфику интерпретации научных идей в визуальных и вербальных художественных текстах Англии раннего Нового времени.

Методология и методы исследования определяются вышеизложенными целями и задачами. *Анализ дискурса* и дискурсивных практик в понимании М. Фуко позволил выявить доминирующие в эпистеме научные и философские дискурсы, оказавшие влияние на публичное пространство и культуру раннего Нового времени с позиций иерархии и закрытости / открытости. *Институциональный подход* позволил проанализировать открытые научные институты и воздействие их на политику знания, формирование открытого научно-образовательного пространства и культурные практики. На основе *междисциплинарного анализа* при помощи *компаративного метода* были сопоставлены родственные научные и художественные дискурсивные практики. Для обнаружения дискурсивных связей и общих идей в научных и художественных текстах использовались приёмы *компаративного анализа* и методологии «*нового историзма*» С. Гринблатта. Изучение исторического, политического и интеллектуального контекстов художественных произведений ориентировано на сравнительно-исторический и культурологический опыт *биографии идей* Э. Панофски и А. Лавджоя. Анализ научных и религиозных представлений, оказавших влияние на художественную структуру, символику и культурный код избранных произведений, опирается на *методы семиотики и экзегезы* (возрождённый в философско-герменевтических трудах Х.Д. Гадамера и Р. Рорти). *Формальный метод*, разработанный Ю. Тыняновым, Р. Якобсоном и В. Шкловским, позволил ответить на вопросы о ближайшем социокультурном контексте произведений, жанровой доминанте и функции избранных художественных текстов. Описание архитектоники произведений осуществлено при помощи метода *пристального чтения* (close riding of the text), введённого Т.-С. Элиотом и разработанного школой «*New criticism*» (Новой критики).

Научная новизна работы определяется тем, что при изучении репрезентаций научных дискурсов в культуре XVI – нач. XVIII вв. использован *междисциплинарный подход*, позволивший с позиций *культурной истории науки* с учетом критериев «научности» того времени и представлений о Вселенной как о живом иерархичном организме дать комплексный культурологический анализ научного знания в Англии раннего Нового времени. Продемонстрировано, что междисциплинарный подход применим к изучению знания и дискурса избранной эпохи, поскольку старые границы между свободными искусствами были разрушены, а новые между отраслями научного знания еще не выстроены. На ранних этапах научной революции базовым дискурсом в борьбе со схоластикой стал неоплатонизм.

Реконструирован дискурс о визуальности в Англии и Европе раннего Нового времени, который стал для ученых, горожан, поэтов и т.д. основанием нового понимания свободных искусств (наблюдательного и опытного знания). Проанализирован феномен пересмотра интеллектуалами дискурсивных границ между свободными искусствами, их попытки выстроить новые границы. Этот анализ позволил выявить процесс переосмысления аристотелианских представлений об иерархии способностей души, что сделало воображение и память центром внимания. Рассмотрены визуальные, вербальные и мнемонические практики, определявшие рецепцию актуального нового знания англичанами, не принадлежавшими к научным сообществам. Проанализирована полемика о функциях и границах допустимого применения таких способов репрезентации как остроумие и риторика, и связанных с ними дискурсов наслаждения и пользы.

Изучены внеуниверситетские открытые научно-образовательные коммуникативные площадки Англии, их стратегии продвижения нового знания, которые сделали его приемлемым и полезным для обычных людей, позволив им осмыслить и использовать идеи, практики и открытия через общую, пограничную терминологию и обыденный язык. Рассмотрены поэтические анонимные тексты, посвященные Грэшем-колледжу, где проявились ожидания и амбиции лондонцев. Исследована визуальная и вербальная рецепции образа ученого, репрезентации которого в Англии от сословного изображения по принципу происхождения и насмешек над алхимиками и грэшемитами сместилась к ренессансному концепту «гений».

Проанализированы художественные произведения Ф. Сидни, Дж. Донна, У. Шекспира, Б. Джонсона и др., которые обращаются к открытиям и гипотезами «новой философии» и осмысляют при помощи поэтической рефлексии меняющуюся картину мира. Это позволило, с одной стороны, вписать новое знание в историю личного спасения, с другой – перевести его в обыденный дискурс на основе принципа наслаждения, риторических приемов и использования кончетти.

Рабочая гипотеза. В Англии раннего Нового времени возникают области совпадения художественных и научных дискурсов, поскольку поэзия, драматургия, живопись и риторика часто выполняют функции эстетического, культурного, социального, политического медиатора и эпистемологического маркера эпохи. Это свидетельствует о степени доступности и понятности знания, доверия к ученым и научным институтам. Риторические и поэтические дискурсы и практики оказывают влияние на формы репрезентации научного знания. И эта ситуация стала возможной благодаря изменившемуся когнитивному статусу зрения и воображения, терминологической гомогенности свободных искусств, что породило размывание границ между научными, религиозными, риторическими и художественными дискурсами и сформировало открытый модус научного знания в его языковых и институциональных формах.

Теоретическая и практическая значимость. Исследованы нелинейные культурные эффекты, к которым привели стратегии научного знания, основанные на идее открытого метода и открытых коммуникативных средств (публичной демонстрации научного знания и публикации научных работ). Результаты исследования могут быть использованы при чтении междисциплинарных курсов по истории науки, культуры и литературы Англии XVI – нач. XVIII вв., разработке и экспертизе проектов по формированию в городской среде современных открытых научно-образовательных коммуникативных площадок и сообществ по популяризации научных теорий, достижений и открытий.

Хронологические и географические рамки изучаемого периода охватывают пространство культуры Англии раннего Нового времени периода «научной революции», в частности: XVI – нач. XVIII вв. (см. подробнее о проблеме определения хронологических границ раннего Нового времени в работы: П. Ю. Уваров, Ю. Е. Ивонин). В это время научные открытия и достижения благодаря открытому коммуникативному пространству становятся предметом осмысления в литературе, живописи, графике и проч.; влияют на повседневные культурные практики и меняют эпистему эпохи. Это эпоха «научной революции», которая изменила культуру Англии и заложила методологические и институциональные основы современного знания, привила доверие к ученым нового типа, их идеям и открытиям. Избранный отрезок времени позволит

рассмотреть специфику проникновения научных дискурсов в культурное пространство Англии на заре их формирования. Можно обозначить основные вехи и события изучаемого периода:

- перевод на латинский и публикация гуманистами свода сочинений Платона, неоплатоников и Аристотеля («Позтика»), и их проникновение в Англию, что породило дискуссию о методах познания и степени пользы каждого из свободных искусств с точки зрения познания Истины и спасения души;
- заимствование публичного метода анатомирования Везалия («О строении человеческого тела», 1543) в Англии середины XVI в. через Дж. Киса и учреждение Ламбли-лекций, что ввело в риторическую и поэтическую моду Англии дискурс анатомии;
- распространение в Англии второй пол. XVI в. идей труда Н. Коперника «Об обращении небесных сфер» (1542) усилиями Дж. Ди, Т. Дитса, Т. Хэрриота, Дж. Бруно и У. Гилберта («О Магните», 1600) и полемика о календарной реформе, проведенной папой Григорием XIII в 1582 г., открытия Галилея и Кеплера также обострили споры о гелиоцентризме в контексте Контрреформации, что отразилось в поэзии Ф. Сидни и Дж. Донна;
- основание в Лондоне Грэшем-колледжа в 1597 г. под управлением попечительского совета Сити, целью которого было распространение нового знания для пользы «грубых людей»;
- публикация Ф. Бэконом «Нового органа» (1620), где был изложен проект продвижения наук, который грэшемцы, С. Хартлиб и приехавший в Англию Я.А. Коменский восприняли как программу продвижения наук;
- основание Лондонского королевского общества (ЛКО) в 1660 г. во славу Англии и на пользу всего человечества под патронажем короля Карла II, но на принципах самоуправления, что позволило развивать и демонстрировать публике опытное знание, публиковать научные труды и привлекать добровольные пожертвования; но доступ горожан и аристократии к знанию возобновил полемику о методе, научном дискурсе, пользе проводимых опытов и их этической составляющей;
- публикация научных трудов Ньютона («Математические начала универсальной философии», «Оптика»), которые укрепили статус ученого и создали ему славу гения, что нашло свое отражение в английской поэзии и живописи первой трети XVIII в.

Источниковая база исследования. Корпус избранных источников включает философские, теологические, естественнонаучные, математические и художественные тексты, гравюры и картины, в которых репрезентированы научные идеи, открытия и институты в Англии раннего Нового времени. Ученые нового типа (Коперник, Везалий, Гилберт, Харви, Бэкон и их последователи) в исследуемый период поставили перед собой цель критической перепроверки и опровержения предшествующего авторитетного знания. Благодаря «Республике ученых» они вели диалог с современниками, обменивались текстами, результатами наблюдений поверх государственных, национальных и конфессиональных границ в открытом дискурсивном поле. Это позволило проследить истоки идей и практик, которые проникли в Англию, и выявить специфику формирования и рецепции научных дискурсов и практик в английской культуре. Источники можно разделить на четыре группы.

1. Теоретические работы (диалоги Платона, трактаты Аристотеля «Позтика», А. Дюрера «О четырех пропорциях человеческого тела», Ф. Сидни «Защита поэзии», Стивена Госсона «Школа

злоупотребления», «Жизнеописания поэтов» С. Джонсона), осмысляющие пользу свободных искусств для человека и общества. Они интересны благодаря своему влиянию на художественно-эстетические и телеологические воззрения эпохи.

2. Предметом анализа стали тексты и визуальные источники, где мы находим рефлексию о предназначении нового знания и научных сообществ; репрезентацию образа ученого и ученика. Ключевыми в исследования этих проблем для нас являются: «История моих бедствий» Абеяра, «Элегия VII» Дж. Донна; «Великое восстановление наук», «О достоинстве и приумножении наук», «Новый Органон» Ф. Бэкона; «Анатомия меланхолии» Р. Бертона; «Призрак сэра Томаса Грэшема»; «Великая дидактика» Я. А. Коменского (приехал в Англию, чтобы совместно с У. Петти и С. Хартлибом реализовать бэкониянский проект восстановления наук), «История Лондонского королевского общества» Т. Спрата. Исследованы также картины, портреты, гравюры, иллюстрации и фронтисписы к изданиям XVI–XVIII вв. работ вышеупомянутых ученых с точки зрения иконографии, геральдики, эмблематики и символики, которые демонстрируют идею книги, позицию ученого и его социальный статус.

3. В качестве основных источников были выбраны вербальные художественные произведения, где представлены в целостном виде и интерпретированы астрономические, физические, анатомические, медицинские и др. концепции. К ним относятся такие стихотворные тесты как «Астрофил и Стелла» Ф. Сидни; «La Corona», «Страстная Пятница», «Годовщины» Д. Донна; «Тимон Афинский» У. Шекспира; «Магнетическая Леди» Бена Джонсона; «Поэмы и фантазии» М. Кавендиш; «Экстаз» Джона Хьюза; «Взгляд на философию сэра Исаака Ньютона» Генри Пембертона; «Опыт о человеке» А. Поупа и др.

4. Для реконструкции натурфилософских дискурсов и религиозных, анатомических, астрономических, физических идей, представленных в источниках п. 3, мы обратились к текстам Платона, неоплатоников, Аристотеля, Лукреция, Герметического свода, бл. Августина, Синезия Киренского, Николая Кузанского, М. Фичино, А. Дюрера, А. Везалия, Дж. Фракасторо, Дж. Ди, Т. Дитса, Дж. Бруно, Г. Галилея, И. Кеплера, У. Гилберта, У. Харви, Ф. Бэкона, Р. Декарта, Р. Хука, М. Кавендиш, Р. Бойля, И. Ньютона, Вольтера и др. (Эти работы часто вступают в диалог между собой, Кеплер обращается к У. Гилберту, Бэкон – к открытиям и идеям Фичино, Везалия, Харви, Гилберта, Кеплера, Галилея и др. Ньютон полемирует с Декартом и т. д.) Они формировали дискурсивно-методологические основания нового знания в Англии раннего Нового времени.

Ряд принципов определил отбор изданий, по которым мы цитируем вышеописанные источники. В первую очередь мы представили первые издания раннего Нового времени текстов А. Везалия, Н. Коперника, Дж. Фракасторо, Дж. Ди, Т. Дитса, Дж. Бруно, Г. Галилея, И. Кеплера, У. Гилберта, Р. Бертона, У. Харви, Ф. Бэкона, Р. Хука, У. Петти, М. Кавендиш, Р. Бойля, И. Ньютона; Хроник Холиншеда, С. Госсона, С. Хартлиба, Т. Грэшема, Т. Спрата и др. Также привлечены включающие научный аппарат современные авторитетные издания, над которыми работали коллективы ученых Оксфорда, Кембриджа и других университетов.

В случае с художественными текстами ситуация иная: мы предпочли обратиться к научным изданиям XX – XXI века, поскольку в раннее Новое время не все художественные произведения попадали в печать, а распространялись в рукописном виде и хранились в частных

архивах. Многие издания XVI - XVII вв. были анонимными или опубликованными без согласия и участия автора (что было характерно для пьес Шекспира, поэзии Ф. Сидни, Д. Донна и проч.). Поэтому мы опирались на издания «Arden», «Variorum», либо оксфордские и проч. университетские издания, имеющие научные комментарии и основанные на сборе, сличении и текстологическом анализе рукописных списков и первых публикаций.

К переводным изданиям на русский язык (при их наличии) предъявлялись требования научной достоверности и степени высокого соответствия художественному уровню (в случае с художественными текстами). Поэтому, в первую очередь, были привлечены научные серии, созданные коллективами ученых АН СССР и РАН: «Классики естествознания», «Классики науки», «Памятники философской мысли», «Философское наследие», «Литературные памятники» и т.п., изданные в научных издательствах «Мысль», «Наука», «Просвещение», «Алетейя», «Прогресс-Традиция», издательствах РГГУ, МГУ и др. Данные издания включают научные статьи и комментарии, а переводы первоисточников с латинского и английского выполнены с авторитетных научных изданий XX в., либо с первых изданий раннего Нового времени.

Перед нами не стояла задача текстологического анализа, но при необходимости, когда оригинал существенно различался с переводом или был важен контекст конкретного словоупотребления, мы приводим оригинал. В случае отсутствия перевода на русский язык, нами был осуществлен перевод источников (что указано в тексте диссертации). При анализе поэтических текстов приведен текст оригинала в силу сложности перевода и невозможности передать во всей полноте метафору-кончетти, точно воспроизводящую научные представления и терминологию того времени (перевод носит вспомогательный характер).

Положения, выносимые на защиту

1. Неоплатонизм в раннее Новое время не только в Европе, но и в Англии становится тем дискурсивным полем, влияние которого распространяется на научные, художественные тексты и практики, что приводит к разрушению между ними когнитивных и дискурсивных границ, установленных схоластами.

2. В Англии раннего Нового времени доверие к новому знанию формируется через идеи Платона и неоплатоников, которые в свободных искусствах становятся аргументом против схоластики и перипатетики. Благодаря этому ученые изменили когнитивный статус таких способностей души как зрение, воображение и память, что позволило признать в качестве доказательства конструируемый опыт и наблюдение. Научные институции создали особые технологии производства, валидности, трансляции и сохранения знания, полученного экспериментальным путем.

3. Платоновская «Академия» с ее дискурсом свободного обмена мнениями, в котором принимали участие философы, их ученики, афиняне, политики, медики, поэты и т.п. стала примером для создания открытых научно-образовательных коммуникативных пространств, где обсуждалось знание нового типа, благодаря чему оно проникает в культурные практики. В Англии такими внеуниверситетскими институциями стали публичные лекции по медицине, Грешем-колледж, Лондонское королевское общество.

4. Новое научное и гуманистическое знание в ситуации противостояния англикан, кальвинистов и католиков порождает споры о пользе всех свободных искусств, которым предъявляется не только высшая цель (спасение души человека), но и благо горожан, общества, нации и Англии.

5. В Англии раннего Нового времени изменяется социальный статус ученого: недоверие к «мага́м», «виртуозам» и «остроумцам» (Дж. Ди, Иниго Джонсу, Дж. Бруно и алхимикам) и критическое отношение к деятельности грешемцев и членов Лондонского королевского общества сменяется восприятием ученого как гения, служащего медиатором между миром божественного и земного (И. Ньютон).

6. Трансформации подвергаются отношения между учителем и учеником: в Грешем-колледже формируется альтернативный университетам тип свободных отношений между профессорами и аудиторией, а в науке ученик получает право на исследовательскую свободу, не опасаясь обвинений в неблагодарности (Барроу – Ньютон).

7. Благодаря продвижению неоплатониками математики и геометрии, как выразителей мира идей, в свободных искусствах особое значение придается точности отображаемого мира вещей, это стремление к аутентичности и аналитичности воспроизведения проникает в английскую культуру. В художественных и риторических дискурсах это проявляется, в частности, в популярности метафоры-кончетти, основанной на остроте аналитического разума (wit), и литературного жанра анатомии, предполагающего разъятие объекта на элементы, его тщательной дескрипции и преодоления логического зазора между частным и всеобщим в чистой индукции.

8. Научные дискурсы (проект восстановления наук Ф. Бэкона, исследовательские стратегии Лондонского королевского общества и тексты Ньютона) из-за ограничений, связанных с процедурами доказательства, перепроверки фактов и знания, оставляют за сферой своей рефлексии Божественный план познания, тогда как живопись и поэзия, ведомые воображением и представлениями об Идее, связывают метафизический и физический планы явления, интерпретируя их (Ф. Сидни, У. Шекспир, Дж. Донн, М. Кавендиш, А. Поуп и др.).

Степень достоверности и апробация результатов. Диссертация обсуждалась на заседаниях кафедры истории и теории культуры Российского государственного гуманитарного университета. Основные положения диссертации отражены в более 50-ти научных публикациях автора: в монографии, статьях, в том числе изданных за рубежом, из них 17 изданы в рецензируемых журналах, входящих в список рекомендованный ВАК, 3 – в систему РИНЦ. Значительное количество публикаций вышло в культурологических изданиях («Обсерватория культуры», «Диалог со временем», «Вопросы литературы», «Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств», «Знание. Понимание. Умение», «Адам и Ева», серия «Литературные памятники» изд-ва «Наука» и др.).

Результаты исследования и материалы диссертации были представлены на более 30 международных и всероссийских научных конгрессах, конференциях, симпозиумах и круглых столах: «Пуришевские чтения» (МГПУ им. В.И. Ленина, 2000, 2006), «Образование и религиозное воспитание: формирование конфессиональных идентичностей в Европе от поздней античности до XIX в.», (ЦИИКА ИВИ РАН, 2009), «Что такое предательство? Моральные представления о

нарушении лояльности как предмет исторического изучения» (ИВИ РАН, ГПИБ, 2010), «Синтез документального и художественного в литературе и искусстве» (КГУ, 2010), «Пирровы чтения» (СГУ, 2010, 2011, 2012, 2013), «Шекспировские чтения» (РАН, ГИИ, МосГУ, РГНФ, 2010, 2012, 2014); «Шекспир и культура возрождения. Европейский петраркизм» (РГТУ, 2010); «Европейская комедия на рубеже 16–17 вв.: открытие современности» (РГТУ, 2011); «Иностранные языки в современном мире» (К(П)ФУ, 2011), «Стратегии вербализации и визуализации социокультурных практик» (КазГУКИ, 2011), «Художественный текст и культура» (ВГУ, Владимир, 2011), «Образование для XXI века» (МосГУ, 2011), «Пути России. Новые языки социального описания» (РАНХИГС, МВШСиЭН и МАЦСН, 2012), «Дискурс тела в европейской культуре» (ОНПУ, Одесса, 2012), «Многомерность и целостность человека в философии, науке и религии» (К(П)ФУ, 2012), «Платон и платонизм в европейской культуре» (РАШ РГТУ, СПб ПФО, НИУ ВШЭ, 2012), «Междисциплинарные исследования культурной памяти: поиск альтернативных подходов» (К(П)ФУ, Казань, 2013), «Современные методы изучения культуры» (РГТУ, 2013), «Национальное и конфессиональное в английской и русской литературе и культуре» (К(П)ФУ, 2013), IV Культурологический конгресс (СПбГУ, РИК, РГТУ, 2013), «XVIII век: топосы и пейзажи» (МГУ, 2014), «2-я и 3-я платоновская конференция» (РГТУ, 2014, 2015), «Роль факта и воображения в конструировании художественных и виртуальных миров шекспировской Англии» (РАН, ГИИ, МосГУ, РГНФ, 2015).

Структура работы. Содержание диссертации изложено на 450-ти страницах, работа состоит из введения, трех глав (13-ти параграфов), заключения, списка источников (148 наименований), списка использованной литературы (580 наименований) и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во *Введении* обосновывается актуальность исследования, постановка проблемы, описывается степень изученности темы, формулируются объект, предмет, цели, задачи исследования, характеризуется принцип работы с источниками, определяется методология исследования, формулируется научная новизна и основные положения, выносимые на защиту, описывается практическая значимость, апробация и структура работы.

Логика исследования обусловлена следующим положением: проникновение научных дискурсов в культуру Англии раннего Нового времени связано с формированием новых дискурсивно-методологических оснований и открытых научных практик и институций. Изучение указанных компонентов позволит дать целостной культурологический анализ эпохи, в которую происходит трансформация художественных дискурсов, научных институций, методов познания и стратегий его репрезентации.

Глава I. ДИСКУРСИВНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ОТКРЫТОГО НАУЧНОГО ЗНАНИЯ В АНГЛИИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

1.1. Неоплатонизм английского Ренессанса: визуальное познание и эксперимент. В раннее Новое время в Европе и Англии возникает ситуация, когда неоплатонизм становится аргументом

против схоластики и перипатетики не только в научных текстах, но и художественных. Это оказывается основой для разрушения когнитивных и дискурсивных границ. Учение Платона проникает в Англию через гуманиста Дж. Колета, корреспондента М. Фичино. В середине XVI в. благодаря статутам Елизаветы I чтение текстов Платона включено в программы английских университетов.

Платоновское представление об одушевленном целом мире включало в себя геометрическую составляющую, основанную на постигаемом зрением и умом образе, что позволило вернуть геометрии, алгебре и наблюдению статус доказательства в поиске истины. Математически обоснованное чувственное восприятие и зрение признаются ступенями познания: оно подтверждает факты, является основой доказательства для наблюдаемых явлений и опытов. Теоретическое обоснование методов, основанных на зрении и наблюдении можно найти в живописи (А. Дюрер), анатомировании (Везалий и У. Харви) и наблюдательной астрономии (Браге, Бруно, Кеплера, Галилей, Бэкон, Декарт и Ньютон). В работах ученых раннего Нового времени отсутствует чистая индукция, поскольку даже физические экспериментальные данные вписываются в платоновскую идею о математической гармонии космоса.

Гуманисты возродили платоновскую идею человека-медиатора между подлунным и надлунным миром, божественным и телесным. Его душе доступно познание Вселенной посредством образа. Поскольку математика соединяет чувственное восприятие и мир идей, то познание платоновской Вселенной-тела представляет собой восхождение от видимого глазом к тому, «что можно видеть лишь мысленным взором». Этот путь предполагает ведущую роль визуального восприятия вечного и рождающегося, которые представлены в виде числа, линии, сочетания и пропорции.

Геометрия в раннее Новое время стала связующим звеном между астрономией, геодезией, физикой и алгеброй. Живопись и анатомия также стремились постичь «Книгу природы», но для этого было необходимо придать им статус свободных искусств, что произошло благодаря их сближению с геометрией через платоновские понятия меры, пропорции, гармонии и красоты. Это сделали А. Дюрер и А. Везалий, заложив основу для анатомических и ботанических атласов, иллюстраций к научным трудам. В них ученые стремились с наибольшей точностью не только воспроизвести детали объекта, но и выразить базовую идею исследования. Дюрер придал высокий статус художнику-мастеру, способному постичь гармонию человека и мира. Собранное он сверяет в душе с тем, что видит умом. Это делает его способным подняться до первообраза и творить, не прибегая каждый раз к запечатленному в природе. Везалий исходил из платоновского представления о человеке, как воплощенной Богом гармонии между человеческим телом, душой и миром. Он также оправдал необходимость точных иллюстраций, ссылаясь на геометрию. Глаз для Везалия – инструмент познания, зрение – инструмент, которым пользуется искусство анатомии.

В физике и астрономии Дж. Бруно и У. Гилберт обращаются к Макрокосму. Бруно в работах, которые он написал и опубликовал во время своего пребывания в Англии, отдает предпочтение математике Пифагора перед геометрией Платона. Математика очищена от воображения и сохраняет принцип аналогии между Макро- и микромирами, поэтому больше подходит для познания-восхождения. Она позволяет человеку освободить интеллект от

отягощающего тела, чтобы он, вернувшись назад, преобразил тело. Тем не менее способ рассуждения о физической природе движения астрономических тел у Бруно остается аристотелианским.

У. Гилберт установил магнетические законы движения Земли и астрономических объектов, исходя из платоновского представления об одушевленности мира. Через опыты с магнитами, описанные геометрически, и навигационные данные он демонстрирует природу движения небесных тел. Она основана на том, что Земля и другие планеты обладают магнетизмом (формой души), которая сохраняет мировой порядок. Материнское начало Земли – основа разумной гармонии, выраженной в геометрической форме (образе) и числе, заложенных Творцом. Одушевленность Вселенной и Земли Гилберт напрямую связывает с платоновским представлением о живом разумном космосе.

Кеплер, знакомый с трудом Гилберта, утверждал, что пропорции, проявляющие себя в геометрических формах природы, обусловлены идеей Творца, который наделил Землю необходимой силой, порождающей эти формы. Ученый приходит к выводу, что в надлунном и подлунном мире, который Аристотель жестко разграничивал, управляют одни и те же законы гармонии. Благодаря этому единству миров Галилей также обосновывает принцип восхождения от опыта и наблюдений к умозаключениям. Он принимает идею Платона о том, что посредством математики человеческий ум способен познать божественную истину. Причем, Галилей воспроизводит платоновскую логику восхождения из тьмы незнания к божественному свету, опираясь на доказанные факты. Он ставит перед учеными задачу направить взгляд на то, что доступно непосредственному наблюдению и не искажает предмет исследования.

Высказанные основоположниками принципов науки Нового времени представления о способностях познающей души и способах познания мира через наблюдение и опыт были продолжены Ф. Бэконом. Он признает наличие принципа, который связывает физические и метафизические формы (идеи), благодаря чему возможно познание законов, универсальных форм и их материального проявления. Бэкон переконструирует эпистемологическую пирамиду: от наблюдения и опыта философ восходит к обобщениям, выявляет действующие принципы, а затем переносит закон на подобные материальные явления, опять перепроверяя его действие экспериментом. Декарт полагал, что индукция, основанная на данных, полученных при помощи чувственного восприятия, и конструирование объекта при помощи воображения не дают возможность постичь метафизическое, поскольку только в человеческом разуме существует идея Бога и души.

Противостояние картезианцев и бэконистов определило основные методологические споры со второй половины XVII в. Если Декарт не признавал математические методы применимыми к физическим явлениям, то Ньютон объединил индуктивизм Бэкона с математическим обоснованием физических явлений. Он чувственно наблюдаемые природные физические явления и эксперимент выразил геометрически-алгебраическим способом и теоретически обобщил это в своих законах. Ньютон следует точке зрения Бэкона, отсекая метафизический план познания, ограничиваясь только теми свойствами вещей, света, астрономических объектов, которые могут быть познаны при помощи человеческих чувств. Из дискурса Ньютона исчезают витальные термины, которые

свидетельствуют о восприятии Вселенной как одушевленного тела, поскольку ученый останавливается там, где он видит проявления божественной сущности, недоступной опытного познанию и дескрипции с позиций физики и математики.

1.2. Репрезентация концепта «тела» в научных дискурсах Англии раннего Нового времени. Виталистский дискурс в раннее Новое время часто был частью неоплатонизма и герметики-алхимического представления о мире. Антропоморфная модель репрезентирует себя и в строении мира через уподобление микро- и Макрокосма, столь любимое в искусстве XVI–XVII вв. Термин «*corpus*» встраивается в риторику различных культурных практик Англии и Европы раннего Нового времени. Антропоморфные образы вписывались в географические карты, поэтические концепты, теологические построения, где мир был репрезентирован единым живым целым. Тело в научных описаниях XVI–XVII вв. постоянно стремится выйти за свои пределы. Принцип соотношения «тело-душа» переносят на политические, социальные и метафизические представления, вписывающие дискурс о теле в существующие и воображаемые структуры общества, власти и Вселенной. Сохраняется иерархия тел от макро- до микроуровня, свойства которых мыслятся по закону уподобления. Это позволяет выстроить единую систему мира и экстраполировать физические законы на метафизический мир, связав их не только посредством геометрии и алгебры, но и при помощи открытий учеными законов гравитации и свойств света.

Восприятие тела учеными, в том числе Декартом и Ньютоном, включало в себя представление о жизненных силах и «врожденных свойствах», проявляющихся на разных уровнях Вселенной. Физический и математический дискурсы еще находились под сильным влиянием телеологического гуманистического дискурса о морали, справедливости и гармонии, поскольку представления о человеческом теле соотносились с понятием души и историей спасения, а тело Вселенной мыслилось как сотворенное Богом, изначально связанное с силами, божественными по своему происхождению. Тем не менее, на протяжении XVI – XVII вв. происходит постепенное смещение репрезентации тела от виталистского восприятия в сторону чистого физико-математического абстрагирования.

При помощи процедур анализа, эксперимента, наблюдения, измерения и дескрипции, научные контексты словоупотребления этого термина постепенно выводят его из архаичной органической и антропоцентрической иерархии. Но сам термин «*corpus*» остается универсальным для научной методологии, обозначая объект познания как единое целое, разложимое на части. Чем аналитичнее и абстрактнее становится репрезентация тела в науке, в том числе и человеческого, тем быстрее оно выводится из витального социокультурного дискурса и освобождается из-под влияния политического, идеологического и эстетического пространства. Тело приобретает статус объективного универсального предмета, описываемого предельно формализованным языком.

Анатомический, астрономический, физический и математический дискурсы в XVIII в. уже невозможно вписать в личное пространство напряженно познающего человека, «мыслящего тростника». В Англии XVI – XVII вв. наблюдаются последние попытки создать метафору цельного органического Универсума, построенного на неоплатонической аналогии Макро- и микрокосма. Если в XVII в. еще существуют попытки связать научное знание и барочное мироощущение в едином художественном образе-кончетти, то эстетика классицизма практически полностью

разделяет эти сферы, находя неприемлемым поиск далековатых связей, что проявляется и в разграничении поэтического, риторического и научного стилей. В стремлении классицизма к нормированию и эстетическому упорядочиванию жанров, стилей и тематики можно усмотреть влияние научного дискурса.

1.3. Наука и поэзия: дискурсивные границы в культуре Англии раннего Нового времени (полемика о воображении, наслаждении, остроумии и памяти). В XVII – XVIII вв. поэзия в Англии не только сыграла немаловажную роль в популяризации и распространении научного знания, но и попыталась освоить новый для себя научный дискурс на национальном языке. Проникновение в поэзию дискурсов различных областей нового научного знания связано с формированием особого открытого коммуникативного пространства, принципиально отличного от замкнутого, подчиненного интересами корпораций. В раннее Новое время ученые в своих практиках не проводили границ между гуманистическими и натурфилософскими занятиями. Это стало основой взаимопересечения интересов ученых, поэтов и художников, что привело к смешению и совмещению поэтического и научного дискурсов, переосмыслению таких способностей души, как воображение и память.

Ф. Сиди полагал, что поэзия, как и все свободные искусства могут привести к высшему наслаждению – познанию, но она не насилует волю, а доставляет удовольствие. Поскольку поэтом движет божественная Идея, воплощенная в зримом образе, то от его воображения зависит совершенство творимого им. Для Бруно воображение – только трамплин интеллекта, который с помощью воображаемых и математических фигур приходит к пониманию бытия и, в конечном итоге, освобождается от воображения. Причем, поэт в своем воображении должен избегать чувственной любви и стремиться к высокой.

Бэкон ограничивал применение воображения и остроумия (wit) рамками поэзии и философским диспутам, ставя под сомнение возможность апеллировать к нему в поисках истины. Декарт предлагал очистить воображение от чувственного восприятия и телесной памяти, которые захватывают воображение. Но М. Кавендиш попыталась найти точки совпадения поэтического и научного дискурсов через воображаемое конструирование: в ее поэзии научный принцип единообразия моделей описания для явлений одного порядка накладывается на поэтическую форму параллелизма.

Английские ученые активно использовали визуальные аллегории в качестве иллюстраций к научным работам, сопровождая их стихами и надписями (жанр эмблемы). Это позволяло захватить воображение и разум читателей и публики. Но взаимное проникновение дискурсов привело ученых к необходимости сформировать свое речевое коммуникативное пространство, которое бы гарантировало точность передачи, валидность и сохранение научного знания. Это проявилось в декларации ЛКО: «Одно слово – одно значение». Ученые, избрав девизом «Nullius in verba», отказались от изысканности риторики, произвольности воображения, остроумия и затемненности поэзии.

Память так же занимает важное место среди таких способностей души как чувственное восприятие, воображение, разум и интеллект. Она напрямую связана с познанием и является его основой. Концепты рецепции памяти в истории культуры условно можно разделить на

«естественные» и «конструируемые». Рационализация платоновской «памяти как припоминания» и упорядочивание системы мира, начатое герметиками и неоплатониками, приводит ученых к математизации и универсализации знания, стремлению создать тотальный структурированный свод знания о мире.

С развитием современного знания доминирующим становится концепт «конструируемой памяти». Ее формируют у большинства общества посредством приобщения к идеям, полученным в результате научного исследования. Изобретение печатного станка позволило переосмыслить культурный концепт памяти, которая является основным способом сохранения и передачи научного знания, стремящегося к математической и дескриптивной точности, необходимости перепроверки и воспроизведения, не отклоняясь от эталона. Формирование научных практик памяти и сохранения знания происходит под влиянием альтернативных университетам публичным коммуникативным площадкам (Грешем-колледж, публичные лекции), где доминирует визуальная репрезентация утилитарного знания, основанного на воспроизводимости.

Благодаря созданию открытого публичного модуса научного знания постепенно утрачивают свое значение «память как подражание» и платоновская «память как припоминание». Доминирующей становится представление о конструируемой памяти и «памяти как технологии», что нашло свое отражение в представлении о человеке, как о «*tabula rasa*» Дж. Локка.

1.4. Дискурс о пользе науки как конвенциональная стратегия в Англии раннего Нового времени. В Средние века конвенциональным дискурсом, который позволял упорядочить и иерархизировать систему знания был дискурс пользы, но она выносилась за рамки физического мира, поскольку созданное людьми должно было твориться «во славу Божию» и для спасения души. Теология занимала доминирующее положение, в связи с чем польза от «новой философии» ставилась под сомнение как в практическом, так и в теоретическом планах. И даже в кон. XVII в. английские ученые апеллировали к Библии, использовали риторику гуманистической моральной философии и естественного богословия для того, чтобы оправдать новый опыт и обосновать пользу экспериментального познания, поскольку его цели не были очевидными для современников.

В Англии раннего Нового времени дискурс пользы и блага постепенно начинает смещаться с божественной телеологии к социальным целям, хотя божественная перспектива знания еще остается, а моральное понятие блага восходит к телеологическим концепциям Платона и Аристотеля. Во многих текстах (художественных, философских, научных и хрониках) все меньше места посвящается рассуждениям о божественной пользе, от которой автор плавно переходит к доказательствам, что предпринятое деяние пойдет на пользу корпорации (в средневековом значении этого слова), города, сословия или английской нации.

Дискурс корпоративной пользы становится основой формирования не только национального самосознания и солидарности, но и стратегией, которая позволила осуществить научную революцию. Рассуждения о пользе науки были вписаны в витальные представления об обществе и человечестве, как целом живом организме, где каждая его составляющая выполняет определенную функцию. Общество мыслилось как часть сотворенного космоса, где управляют одни и те же божественные законы. Поэтому познание гармонии природы в конечной перспективе должно привести к нравственному совершенству человека и общества. Англия и англичане способны

возвыситься до истинного бытия с помощью искусств: геометрии, учения о числах, астрономии, музыки и др.

Глава II. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НАУЧНЫХ СООБЩЕСТВ В КУЛЬТУРЕ АНГЛИИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

2.1. Грэшем-колледж и формирование публичного модуса научного знания в Англии раннего Нового времени. В Англии и Европе раннего Нового времени среди горожан возникает социальный, политический и экономический запрос на новое знание. Его центрами становятся постуниверситетские или альтернативные университетам институции, возникающие первоначально под патронажем правителей. Англия оказывается одной из последних стран, которая осознала необходимость подобных нововведений. В ситуации отсутствия академий или коллегий появлялись так называемые «воображаемые сообщества», которые называли себя с XV в. «*Respublica litteraria*» (Республика письма). Первоначально эти сообщества не были гомогенны, централизованы и ориентированы на определенную сферу или область научной деятельности. В поле их обсуждения могли попадать как гуманистические, так и натурфилософские проблемы.

В Англии именно анатомические практики начали формировать публичное научно-образовательное внеуниверситетское пространство. Одним из идеологов пользы анатомирования был Джон Кис, оппонент Везалия. Благодаря его стараниям в 1565 г. лондонским терапевтам (физикам) было разрешено получать трупы. В 1582 г. были основаны Ламбли-лекции, финансируемые из арендной платы с земель Лорда Ламбли, для чтения лекций по хирургии в колледже врачей. На протяжении XVII в. появился еще ряд публичных лекций (Гульстоновские и Круннские), которые удовлетворяли растущий спрос врачей и горожан на современные представления о медицине. Посредством них лондонские врачи и хирурги получали постуниверситетское образование, целью которого было передать новейшие знания и открытия. Идея их основания и финансовая поддержка исходила от частных лиц, хотя они встраивались в уже существующие научные и научно-образовательные институции, такие как Колледж врачей-терапевтов, ЛКО, Кембридж и Оксфорд.

В Англии XVI в. сложилась парадоксальная ситуация, когда крупнейший город и столица страны не имела собственного университета. Сити решил проблему созданием целой сети образовательных учреждений, вершиной этого кластера стал Грэшем-колледж. Это заведение должно было удовлетворять практическим образовательным нуждам лондонцев. Авторство данной идеи принадлежало сэру Томасу Грэшему, крупнейшему финансисту своего времени и основателю Лондонской Королевской Биржи. В колледже должны были читаться бесплатные публичные лекции для джентльменов, мореплавателей, строителей и деловой части Лондона (Сити), не имевших университетского образования, и нуждавшихся в новых знаниях по навигации, геодезии, астрономии, математике, медицине, праву, риторике, музыке, теологии.

Т. Грэшем, как свидетельствует текст его завещания, полагал поддержание существования Грэшем-колледжа делом корпоративным, а не частным. Он завещал поделить управление ежегодным доходом от аренды магазинов на территории Биржи между Сити и *Mercers' company*, вероятно, для того, чтобы между корпорациями разного уровня был взаимный контроль и коллегиальность в принятии решений. Регламентом колледжа предписывалось чтение лекций на

национальном языке, что воспринималось фактором, который позволит сделать знание более доступным и даст горожанам возможность самостоятельно развиваться и совершенствоваться в знании. Но национальный английский язык еще не был настолько терминологически развит, чтобы адекватно передать необходимую теоретическую и профессиональную информацию, и профессора сопротивлялись этому требованию.

Грэшем-колледж не оправдал всех ожиданий основателей, опекунов и лондонцев. Свидетельство тому – анонимный памфлет «Призрак сэра Томаса Грэшема». Цель, изначально поставленная опекунами (распространить знания среди «грубых» людей, презирающих его, и привить вкус к знанию, чтобы помочь им понять собственные нужды и необходимость ученых для блага Лондона), за 50 лет существования колледжа была реализована частично. Грэшем-колледж находился в пространстве между средневековой школой, ремесленной мастерской, университетом и «новой философией» Ф. Бэкона, реформой образования Я. А. Коменского. Ремесленный утилитаризм в одинаковой мере противостоял как университетской схоластической традиции, так и фундаментальному рационально-экспериментальному знанию Нового времени, которое начало развиваться в Грэшем-колледже.

В памфлете «Призрак сэра Томаса Грэшема» можно проследить степень несовпадения социальных ожиданий обычных лондонцев и профессиональных целей самих Грэшем-профессоров. Причем, основой создания Лондонского королевского общества и станет малопонятная тогда горожанам экспериментальная фундаментальная научная деятельность. В 50-е гг. XVII в. начинается захват бэконianцами кафедр Грэшем-колледжа, связанных с экспериментальной наукой. В основу ЛКО был положен принцип публичности и доступности новых знаний, которые они охотно демонстрировали. Горожане, джентльмены и придворные, присутствовавшие на опытах, жертвовали деньги на научные исследования и публикации результатов. Но при всей открытости научной информации, многое оставалось непонятным и несколько шокирующим для зрителей.

Предисловие к «Призраку...» свидетельствует о том, что к середине XVII в. горожанами осознается необходимость развития семи благородных искусств. В Грэшем-колледже для продвижения и развития научного знания использовалась риторика общего корпоративного блага, причем, доступ горожан к знанию был получен через обоснование его практической пользы, что воспринималось достаточно безопасным для интересов университетов и церкви. Грэшем-колледж заложил фундамент для появления ЛКО, создал социальную почву в Англии для принятия обществом нового образа мышления, новой профессии, нового знания, демонстрационные и печатные формы репрезентации.

2.2. Визуализация ученого, научных практик и сообществ в английской культуре раннего Нового времени. В описываемый период происходит интенсивное осмысление функций науки, научных институций и ученого. И хотя социальный статус интеллектуала в средневековой сословной иерархии не был определен, возникла потребность в появлении некоего альтернативного университетам консолидирующего пространства. Визуальная репрезентация ученого вплоть до XVIII в. демонстрирует его сословную принадлежность и социальный статус. Это обусловлено устойчивой корпоративной иерархией общества, где наследственного сословия интеллектуалов не

было, а занятия наукой были связаны с существующими образовательными и церковными институтами. И если в Средневековье этой деятельностью традиционно занимались университеты и монашеские ордена, то в раннее Новое время ученый, с одной стороны, принадлежал к своему сословию, с другой, – становился частью академий и «Республики ученых» (*Respublica litteraria*). Этот феномен нашел свое отражение в портретной живописи и гравюрах вплоть до XIX в., где сохранилась традиция «сословного» изображения ученых.

На английских и европейских картинах, фресках, иллюстрациях, портретах и гравюрах раннего Нового времени ученые, научные сообщества и практики репрезентируются в первую очередь через иконографию, включающую в себя книги и научные инструменты, маркеры сословной принадлежности и патронов-основателей и/или покровителей научных институций. Эта тенденция проявляет себя уже в визуальных изображениях Средневековья, но в раннее Новое время иконография стремится к точности отображаемого. На титульных листах могут воспроизводиться гербы ученых, научных корпораций и их патронов. Сословную принадлежность ученого подчеркивают соответствующие надписи. Если ученый обладал государственными должностями, то, как правило, отображалась их символика. Ученые-профессора изображены в университетских мантиях, ученые-священники – в соответствующем одеянии.

В качестве атрибутов появляются не схематичные изображения книг и инструментов, а именно тех, которые они усовершенствовали, описали в трудах или сконструировали. Раскрытые книги точно воспроизводят иллюстрации из трудов, а гравюры на фронтисписах пытаются передать основную концепцию автора. Эти иллюстрации и гравюры часто разрабатывают сами ученые, а в стихотворных и/или риторических посвящениях раскрывался символический смысл изображений. Эта практика вписывалась в популярный в раннее Новое время жанр эмблемы.

В групповых изображениях ученых так же доминирует принцип социальной иерархии, тем не менее, перед нами репрезентация идеального представления о сообществе. Это особенно отчетливо наблюдается, когда на картине или гравюре присутствует патрон / основатель институции. На гравюре «Истории Лондонского королевского общества» А. Стоупа королевская власть выражена символически и подчеркнут принцип организации ЛКО, который базируется на самоуправлении. А картине французского художника А. Тестелена, изображающей представление Ж.-Б. Кольбером Людовику XIV научных изобретений и проектов Французской (Парижской) академии наук, мы видим ситуацию, отражающую доминирование высочайшего патрона и иерархическую структуру учреждения. Таким образом, изображения научных практик и научных сообществ, с одной стороны, продолжают средневековые иконографические традиции, с другой, – отражают стилистические тенденции живописи и подчеркивают специфику научного восприятия мира и общества в раннее Новое время.

2.3. Ученый в культуре Англии раннего нового времени: гений и/или мастер? В репрезентациях фигуры отдельного ученого появляется слово «гений», рецепция которого колеблется между иррациональным, интуитивным и рациональным пониманием. Высказывания о божественном происхождении гения сопровождали научную революцию. Понятие «гений» создавало альтернативу средневековому святому и расширяло понимание отношений между трансцендентным и имманентным. Оно восходит к платоновскому пониманию гения как

посредника между божественным и земным, одаренного способностью постигать законы Вселенной, данной ему от Бога. Это свойство гениального человека проявляет себя, в первую очередь, в науках.

Но Ф. Бэкон с осторожностью относился к гению, требуя разделить науку и теологию, поскольку научному познанию недоступно божественное. Он предлагает основать процедуры и результаты познания на опыте, сделать их логически последовательными, видимыми, доказательно обоснованными и перепроверяемыми, даже если знание получено благодаря гениальному прозрению. Он изгоняет неоплатонический профетический пафос гения из научного дискурса, оставляя его теологии, живописи, поэзии, опасаясь того, что в новой философии он может стать причиной рождения идолов.

Теоретиком, обобщившим эмпирические данные, полученные в области астрономии и физики, стал Ньютон, которого уже современники считали величайшим гением. Восхищение его идеями породило стремление воспеть ученого в стихах и представить открытия в стихотворной форме, более приятной и доступной читающей публике. Генри Пембертон (член ЛКО) в поэме «Воззрение на философию сэра Исаака Ньютона» пишет, что она должна дать соотечественникам представление о трудах великого человека, изобретениями которого может гордиться нация и человечество, поскольку он преодолел ограниченность разума. Г. Пембертон называет Ньютона величайшим из людей и гением. В начале поэмы его Муза обращается с мольбой к гению Ньютона, который повелевает ею, поскольку причастен к Истине. «Философские начала математики» становятся новым производящим дискурсом, на базе которого формируется позитивистская методология.

В культуре Англии возникает образ ученого, который в горацианском уединении Вулсторпа открывает божественные законы Вселенной и природу божественного света. Постепенно вырисовывается концепт ученого-ремесленника, ученого-виртуоза, ученого-рыцаря, способного не только мыслью объять мир, но и принести осязаемую пользу обществу и правителю практической деятельностью, а так же выполнять административные функции. Вольтер описывает Ньютона как мирного патриарха науки, аскета, ведомого истиной. Его фигура, обобщившая образы ученых-современников, становится знаковой для рождающейся Британской империи, поскольку он практически одновременно получил признание государства и международного научного сообщества. Благодаря концепту гения в гуманистическом риторическом дискурсе формируется высокий статус ученого как субъекта на фоне скептического отношения к занятиям наукой.

2.4. Учитель и ученик: репрезентация эпистемологического дискурса как витального в европейской и английской культурах. В раннее Новое время в Англии трансформируется понимание институциональных отношений между учителем и учеником. В основе патриархального виталистского дискурса лежит иерархическая модель власти-подчинения, при которой на социальные, политические и экономические отношения накладывается риторика кровнородственных связей. В отношениях «учитель – ученик» манипулирование объектом инкультурации происходит при помощи регламентирования режима доступа к знанию. В нарративах об отношениях между ними ситуация часто накладывается на модель религиозной оппозиции «Творец – творение». Учитель претендует на присвоение предшествующих ему

культурных ролей: Творец дает биологическое тело, отец/мать – биологическое и социальное, тогда как учитель – социальное. Он открывает доступ к тем знаниям, при помощи которых воля ученицы или ученика совпадала бы с целями, желаниями, стремлениями/интенциями сообществ или социальных институтов.

Отношения между учителем и учеником нечасто становились объектом развернутой артикуляции, хотя на основании некоторых примеров можно показать их динамику от средневековых к раннему Новому времени. Например, по-разному осмысляются модели ученичества, в основе которых лежит «Наука любви» Овидия. Если мы обратимся к средневековой модели, то увидим, что Элоиза в «Истории моих бедствий» Абеляра осталась его верной ученицей, женой и духовной дочерью. Став монахиней, она была объектом его наставлений и постоянно претендовала на опеку и покровительство, описанное ею в средневековой риторике вассалитета-сюзеренитета и духовного наставничества по модели Магдалина-Христос.

Любовник Донна в «Любовной науке» апроприирует (присваивает) естественное право власти над творением даже после его рождения / инициации и при помощи библейской аллюзии стремится усугубить чувство вины ученицы за измену обучившему ее. Дисциплинарное и эпистемологическое неповиновение расценивается как грехопадение, отпадение и предательство, хотя уже исчезли властные отношения, которые оправдывались ситуацией обучения. Обретение ученицей субъектности означает уничтожение отношений «учитель - ученица».

Учитель-творец теряет власть, когда ученик получает возможность сменить статус объекта обучения на позицию субъекта, проявившего свою волю. В отношениях между Сильвием и Везалием, учитель, будучи агентом вторичной инкультурации, так же апроприирует статус и функции отца. Он заложил основы его образования и «создал» как врача, поэтому требует от Карла V лишить отступника должности лейб-медика императора. Нежелание следовать за своим учителем-отцом маркируется как лишение рассудка. Апелляция к кровнородственным отношениям становится последним аргументом образумить непослушного, заблудшего и возгордившегося ученика. Но Сильвий оказывается бессильным перед аргументом поиска истины, к которому апеллирует Везалий. Он избирает себе другого учителя – Галена, поскольку возродил и продолжает его учение. Тем самым Везалий ставит себя наравне с Сильвием, игнорируя статус и претензии непосредственного учителя. Следовательно, Везалий сохраняет и поддерживает витальный дискурс, основанный на сакральной аналогии ученик-учитель / отец-сын / Творец-творение, признавая своим учителем Галена.

Тем не менее, высокий статус учителя сохраняется достаточно долго, примером тому могут послужить отношения между Ньютоном и Исааком Барроу. Им удалось сохранить преемственность научного знания и хорошие личные отношения. Барроу руководил чтением физико-математических работ, продвигал и всячески поощрял своего ученика, рано потерявшего отца. А ученик более чем достойно продолжил начатое учителем. Они уже в пору ньютоновского студенчества меняются местами, поскольку тьютор признает его уникальные способности, говоря, что чувствует себя «сущим ребенком в сравнении с собственным учеником».

В раннее Новое время появляются и новые принципы взаимодействия между обучающим и обучаемым в открытых публичных образовательных пространствах. В Грэшем-колледже не

существовало такого понятия и явления как «студент» со всеми вытекающими обязанностями и регламентом (платой за обучение, необходимостью присутствовать на занятиях и сдавать экзамены). Вместо студентов были вольные слушатели: капитаны кораблей, купцы, ремесленники и т.д. В «Призраке сэра Томаса Грэшема» профессор уподобляется повару, который готовит пищу для других, а сам её не ест, что подчеркивает недопустимость производства и потребления знания исключительно для замкнутой и самовоспроизводящейся научно-академической среды, подобной университетской.

Я. А. Коменский предлагает универсальную модель обучения, основанную на идее пансофии, дополняя проект развития науки Ф. Бэкона и образовательный принцип Грэшем-колледжа. В основу обучения он закладывает идею естественного порядка, который он называет «душой мира», находя соответствующие аналогии в гелиоцентрическом строении Вселенной, организации жизни пчел и муравьев, гармонии человеческого тела и ума, структуре государства, устройстве механизмов. Искусство обучения, по его мнению, не должно включать насилие, а только искусное распределение времени, учебных предметов и метода. Отношения между учителем и учащимися он описывает по аналогии с моделью «Солнце – все живое».

В основе понимания отношений «учитель – ученик» в раннее Новое время лежат виталистские представления, согласно которым учитель продолжает и развивает способности, данные от Творца, природы и родителей. Учитель и ученик мыслятся как часть корпоративного социального тела, поэтому риторика, описывающая модели их взаимодействия, разворачивается по аналогии «Творец – творение», «отец – сын», «Солнце – Земля», «садовник – сад», «художник – холст» и предполагает модель обучения, основанную на любви, гармонии и пользе. Обучение мыслится как необходимое условие процветания общества в целом, путь к совершенству души и тела каждого его члена. Отклонение от естественных паттернов поведения расценивается как нарушение установленного свыше порядка.

Глава III. РЕЦЕПЦИЯ НАУЧНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В ПОЭЗИИ АНГЛИИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ: ОТ МИКРО- К МАКРОКОСМУ

Данная часть исследования посвящена частным примерам рецепции идей витализма, неоплатонизма, алхимии, меланхолии, гелиоцентризма и магнетизма в поэзии Ф. Сидни, Дж. Донна, У. Шекспира и Б. Джонсона. Наряду с натурфилософскими дискурсами важной составляющей этих текстов является неоплатонический и религиозный. Интерес к ним обусловлен тем, что из-за методологических ограничений, связанных с процедурами доказательства, перепроверки фактов и знания, научные тексты оставляют за сферой своей рефлексии божественный план познания. Но поэзия и живопись, ведомые воображением и представлениями об Идее, связывают воедино метафизический и физический планы явления, интерпретируя их в свете личной истории спасения души.

3.1. Познание и меланхолия в английском сонете: «Астрофил и Стелла» Ф. Сидни и «La Corona» Дж. Донна. Трудность представляет отслеживание «приключений» научных терминов и идей не только в свободных искусствах, но и в самих научных дискурсах. Так, в XVI – XVII вв. концепт познания артикулируется в медицинских представлениях о меланхолии. Ученые, художники и поэты определяют свою субъектность как «меланхолическую» из-за их стремления

соединить мир идеального и реального, и невозможности их совпадения. В терминах меланхолии Р. Бертон описывает и рефлексировать не только современное состояние общества и самопознание отдельного человека, но и научное, эротическое и религиозное познание. С пересмотром средневековой картины мира обычный человек ощущает себя затерянным во Вселенной, и ему требуется немалые интеллектуальные усилия, чтобы соотнести новое знание со своим «я». Меланхолик – это человек, ищущий точку опоры. Меланхолию у себя диагностируют многие ученые, стремящиеся раскрыть тайны природы и найти незыблемые законы, установленные Творцом.

Если в средневековой медицине эту болезнь связывали с воздействием Сатурна, управляющего физической силой и мраком, то М. Фичино отождествил римского бога земледелия Сатурна с греческим богом времени Кроносом. Благодаря контаминации богов меланхолическое безразличие стало истолковываться как равнодушие к суетному, пресыщение земным, находящимся под властью Сатурна. В позднейших трактатах общим местом стало представление, что меланхолики склонны к учению, задумчивости, размышлениям. Это измеряющие и считающие люди, которые являются представителями свободных искусств – астрономии, геометрии, арифметики, музыки, логики, диалектики. Они вернули геометрии пифагорейский смысл: наука об измерении земли воссоединилась с астрономией, изучающей законы, которым подчиняются небесные тела, управляющие временем и природными циклами.

Любовной меланхолией заразился английский поэт сэр Филип Сидни, что отразилось в его цикле «Астрофил и Стелла». Меланхолия связана с разочарованием Астрофила в любви из-за непостоянства избранницы. Любовная неудача становится отправной точкой для постижения природы вещей в несовершенном, изменяющемся, обманчивом мире, что даёт надежду на выздоровление. Характер взаимоотношений между Астрофилом и Стеллой напоминает неистощимую жажду человека в познании Истины и невозможность в полной мере утолить её, хотя иногда обладание ею кажется обманчиво близким. Эта концепция восходит к гносеологической традиции Платона и Аристотеля, согласно которой познаваемы только неподвижные и вечные идеи, неделимые субстанции.

Меланхолия порождает неудовлетворённость, бессонницу, и человек обращает свои глаза на ночное небо, где стремится найти и прочесть знаки, которые бы могли открыть Истину. Астрофил, действительно, обнаруживает ответы на свои вопросы, но открытие изумляет его: небесный мир тоже подвержен порче гордыни, презрения к Любви. Хотя эта точка зрения не вписывалась в неоплатоническую систему, но она отразила астрономические открытия и гипотезы XVI в., которые поставили под сомнение незыблемость надлунного мира, что видно на примере XXXI сонета.

Лирическую тональность «La Corona» Дж. Донна так же определяет образ поэта, погружённого в религиозную меланхолию. Человек холоден к материальному, но ещё не пробудился к вечному. Ум осознаёт необходимость восхождения, иссохшая душа испытывает жажду. Меланхолия ведёт к отрешению от земного, осознанию ущербности своего бытия, но для обретения благодати необходимы усилия. Человек стремится обрести состояние созвучия миру, постоянного напряжения, горения, чтобы жажда спасения стала сильной и умеренной.

Путь к знанию – это духовное прозрение, которого достичь можно через святость и

добродетель, что не сложно обнаружить в цикле. Первые четыре сонета повествуют о добродетелях земных (смирение, справедливость, умеренность, мудрость); последние три – о небесных (Вера, Надежда, Любовь). Вектор духовного восхождения лирического героя вписывает индивидуальный путь искупления во Всемирную космогонию. Историю спасения Донн осмысляет как движение от тьмы к свету в соответствии с евангельским повествованием, учением отцов Церкви и литургическим кругом. Земной путь Христа разворачивается в космогоническом контексте как завоевание мира, погруженного во тьму, солнечным светом истинного знания. Природные циклы становятся моделью для развития поэтического сюжета, так как в литургическом круге (годовом, суточном и недельном) небесные знаки служат зримым напоминанием об искуплении и Новом Завете. С Рождества начинается движение Солнца ко времени весеннего равноденствия, когда тьма окончательно уступит свету.

Ни в одном другом произведении Донна как в «Венце» нет столь строгого равновесия между словом человеческим и божественным, индивидуальным и всеобщим, разумом и верой, видимым и неизреченным, преходящим и вечным. Формальные и содержательные компоненты взаимосвязаны на фонетическом, графическом, синтаксическом уровнях: являют собой эмблему. Заявленная в сонете-посвящении тема имени, знака, развивается в названии цикла и в совершенстве эстетического воплощения Божественного символа. Благодаря искусству поэтического изобретения в безупречной художественной форме идеально раскрывается иероглиф божественного покоя и бесконечности Творца – круг. В жанровом пространстве сонета встретились Слово Божественное (Логос, Евангелие), знаки Природы, слово веры (догматы) и слово поэзии.

Благодаря Ф. Сидни в Англию вернулось священное достоинство осквернённой, изгнанной из церкви Музы. Эрато, обретя откровенность в любовной элегии, очистившись страданием в меланхолии, отдаляется от мирского, но она ещё не причастна благодати Духа Святого. Донн не просит венка лаврового, атрибут поэтической славы или величия земной власти, хотя он почитается со времен античности, как путь преодоления времени и обретения бессмертия. В «La Corona» зафиксирован биографический момент, когда «новый» человек и «новый» поэт сменяет «ветхого». Цикл оказывается промежуточным звеном между светской поэзией и духовной, пытаясь обрести благодать последней. Поэзия, рождённая Духом Святым, обращена к небесам, причастна вселенской Музыке и подчинена божественному закону пропорций.

3.2. Гелиоцентризм и любовь в сонетном цикле Ф. Сидни «Астрофил и Стелла». Сидни создавал сонетный цикл в эпоху смены астрономической парадигмы с геоцентрической на гелиоцентрическую. Он испытал прямое влияние визита в Англию доминиканского монаха гелиоцентриста Д. Бруно. Ф. Сидни соединил неоплатонические взгляды с концепцией Ноланда, который полагал, что высший Купидон и природное созерцание – это аллегория отношения человека к разумной части Души. Ф. Сидни градирует красоту на истинную и земную, сочетая представления Платона и герметические воззрения Дж. Бруно. Астрофил, позиционирующий себя как пилигрим, странник на Земле, выбирает истинную добродетельную красоту неба. Согласно Платону, оттуда родом наши души, которые возвращаются на свои звезды после смерти тела в случае добродетельной жизни. Любовь к Стелле – эта аллегория интеллектуального познания, припоминания своего метафизического приюта. Развитие метафоры всего цикла подчинено

доказательству этого: поэт последовательно описывает свойства Стеллы, которые воплощают ее звездную природу.

История платонической любви Стеллы-Солнца и Астрофила-Луны/Земли, мотивы их поведения, качества и характер отношений репрезентируют и коперниканско-бруновскую гелиоцентрическую космологию. Поведение Стеллы в цикле соответствует суточному ритму Солнца, она является источником света радости и тепла любви, чередование которых с тьмой ночи и холодом горя лежит в основе вечного мирового движения и обновления космических светил. В цикле так же отразились астрономические открытия того времени и гипотезы о бесконечности миров. Но Астрофил отказывается от приоритета чувственного наблюдения при помощи глаз за небесными телами, как это делают профессиональные астрономы-оппоненты Дж. Бруно.

Стелла-женщина обладает бессмертными качествами Стеллы-звезды, поэтому Астрофил по закону подобия через нее стремится познать метафизический мир. Амбивалентность Стеллы-звезды заключается в ее природе. С одной стороны, она принадлежит надлунному миру, а с другой, – ее лучи достигают подлунного мира. Воспринимаемый зрением свет дает возможность познания возлюбленной при помощи ума, который согласно Дж. Бруно обладает силой и светом. Именно Стелла (странствующая звезда) в метафизическом мире становится целью скитаний его познающего интеллекта. Странствие – это метафора познания как пути, в который отправляется божественная часть человеческой познающей и мыслящей души (*intellegentia*), которой открыт мир идей.

В цикле Сидни любовная метафорика петраркизма расширяет свои возможности, используя платонические и астрономические образы, которые контрапунктно развиваются в поэтическом описании истории героического восхождения познающей души от физического к метафизическому миру, от сомнений и незнания к свету познания, от жажды физической любви к обретению истинной божественной любви.

3.3. Гелиоцентризм и теология в век астрономических открытий: «Страстная Пятница 1613 года. Уезжая на Запад» Д. Донна. Сидни вслед за Скалигером различает три вида поэзии: первая (*divine*) подражает Богу; вторая – природе, обращаясь к философии, этике, истории, астрономии. Третий вид создают художники-творцы в ренессансном понимании этого слова. В благочестивой лирике Донн объединяет эти три вида, тем самым возвращая поэзии былое синкретическое знание о мире и синтезируя разошедшиеся пути к совершенству. В эпоху размывания иерархических границ между ступенями Великой Цепи Бытия, когнитивными способностями души, свободными искусствами, поэзия оказывается способной проникнуть и в метафизические сферы благодаря воображению, конструктивному началу разума.

Донн обращается к интеллектуальному абстрагированию, способному приблизить к метафизической сущности явления, когда чистая мысль овеществляется, и чувственное восприятие очищается в геометрии. «Страстная Пятница 1613 года. Уезжая на Запад» отсылают нас к астрономическим спорам и языку математических, теологических трактатов, диалогов, предлагающих научную гипотезу, построенную по закону аналогии. Поэтическое слово откликается на слово науки о Вселенной, перенося его в пространство души и разрешая проблему личного спасения в свете новых открытий человеческого ума и зрения. Ключевыми в стихотворении оказываются слова, связанные с идеей формы, движения и натурального,

естественного порядка, заложенного Создателем, которому подчиняется его душа, уподобленная сфере.

В стихотворении представлены все признаки кеплеровской гелиоцентрической Вселенной, описанной в «Новой Астрономии» (неправильные эллиптические орбиты; Солнце, смещенное в один из фокусов). Но в истинном геометрическом центре эллипса Донн помещает Бога-Сына. В концепте, перевоссоздающем таинство Искушения поэт примиряет Евангельское повествование с кеплеровским пониманием гармонии, платоновской идеальной (безгрешной) формой и теоцентризмом Кузанца. Для поэта открытия Кеплера – математическое свидетельство нарушения Божественного порядка, греховности мира. Идеальные формы были присущи Универсуму до грехопадения, первозданное состояние и пришёл вернуть Сын Божий.

Каждый год в цикле космической литургии (служения) происходит возвращение на круги своя. Руки Спасителя соединяют Север и Юг, направляя вектор в небо, примиряя антиподов, Бога и человека, настраивая разлаженную музыку сфер. Проходя через отверстия в руках, все сферы каждый год в Страстную Пятницу восстанавливают астрономическую погрешность, выравнивают свой ход и неправильные орбиты. Распятый Христос является истинным перводвигателем Вселенной, причем эта точка зрения восходит утверждению Кузанца.

«Страстная Пятница 1613 года» существует в силовом поле разных уровней бытия и текстов и стилей. Политические, исторические, научные и теологические реалии своего времени Донн сверяет с Библией. Научный трактат того времени тоже свидетельствовал о Божьем Промысле в Книге Природы, где человек пытался прочесть знак и своей судьбы.

3.4. Репрезентация теории магнетизма: У. Гилберт «О магните» и Б. Джонсон «Магнетическая Леди». Теория У. Гилберта о магнетической природе Вселенной легла в основу поэтической образности и языка пьесы Бена Джонсона «Магнетическая Леди», хотя и подверглась интерпретации. В гелиоцентрической концепции У. Гилберта отразилась платоновская идея витализма: он оспаривает концепцию Аристотеля о неподвижности, мертвости и несовершенстве Земли, уподобляя ее матери. У Гилберта при помощи концепта «Земли-матери» опосредованно опровергает патриархальную интерпретацию феминного начала как холодного, влажного и пассивного, способного воспринимать движение только от маскулинного. Ученый высказывает идею, что Земля и другие планеты обладают особой формой души или силой – магнетизмом, который позволяет сохранять мировой порядок и порождать живых существ, населяющих ее. Живородящее материнское начало определяет эгалитарную физику движения и космологию. Гилберт предпочитает властно-эротической оппозиции мужское–женское другой социальный дискурс, основанный на витальной терминологии любви, свойственной отношениям мать–дети, подчеркивая принципиальное естественное равенство детей Земли и справедливость мирового порядка от его сотворения.

Репрезентация магнетического дискурса английским драматургом Беном Джонсоном в комедии «Магнетическая Леди» во многом соответствует теории У. Гилберта. Драматург не использует мистические, мифологические и эротические интерпретации магнитных свойств и их природы. В пьесе он соединяет концепцию магнетизма У. Гилберта со своей теорией гуморов, которая близка к классицистической типологии комедийных характеров. Но Б. Джонсон занимает

патриархальную гендерную позицию, хотя и уподобляет взаимоотношения между мужчиной и женщиной механике гилбертовского магнетизма.

Джонсон представляет все мотивы и поступки людей как следствие стремления к деньгам и доминированию, умалчивая о гилбертовской природной материнской любви или внешних влияниях (астрологических, политических или государственных). Драматург в разворачивании матримониального сюжета изгнал как эмоциональную основу любовной коллизии, так и матриархальную концепцию Гилберта. Драматург оставил голую социально-экономическую составляющую современного ему института брака, где не только использовал гилбертовскую механику взаимодействий магнита и железа, но инверсировал их властные отношения. Он вернулся к традиционной патриархальной гендерной позиции Клавдиана, когда чувствительная Венера смиряет сурового Марса. В его представлении матриархальная модель власти нарушает гармонию между частями социального тела.

3.5. Вивисекция Макро- / микромира и сифилис: «Тимон Афинский» У. Шекспира и «Анатомия мира» Д. Донна. Предметом исследования и рефлексии в культуре раннего Нового времени стало изучение строения тела Вселенной, Земли и человека. Научные открытия и практики стали предметом этической и эстетической рефлексии в культуре и породили так называемый жанр анатомии в изящной словесности.

Уже Галеном осознавалась ограниченность знаний об организме, которые давала анатомия трупа, и он был вынужден обратиться к вивисекции. Описания метода препарирования живых существ, оставленные Везалием, крайне детальны, точны и представляют собой пошаговую инструкцию, выполняя которую ученик мог бы наглядно увидеть специфику функций мышц и нервов. О степени страдания животного читатель может судить только по редким косвенным высказываниям, причем, анатом не обсуждал моральные аспекты этой проблемы. Страдания представлены как симптомы и индикаторы исследуемой функции организма, фиксирующие его состояние.

У. Харви, основываясь на экспериментальной методологии Везалия, завершил исследование принципа кровообращения, который пытались понять анатомы XVI в. В дискурсе У. Харви животные представлены иерархично: от низших к высшим ступеням организации живых существ. Это соответствовало средневековой концепции Великой Цепи Бытия, но Харви рассматривает ее преимущественно с точки зрения сложности строения кровеносной и дыхательной систем.

У. Харви вписывает тело в картину мироздания, в иерархическую пирамиду тел, начиная от тел насекомых и моллюсков и заканчивая небесными телами. В посвящении Иакову I. лестницу уподоблений объединяет платоновская риторика общего блага. Солнцу, королю и сердцу приписываются атрибуты, позволяющие осуществлять воспроизводство власти, – первоначало сущего, основа жизни, воплощение могущества и щедрости, питающей все. Исследование человеческого тела становится продолжением репрезентации тела социального. Согласно закону аналогии функции социально-политического тела переносятся на тело живого организма и тело гелиоцентрической Вселенной (и наоборот).

Параллель с Солнечной системой имела и обратный эффект. Не только астрономы того времени создавали механические модели Вселенной, но и работа кровеносной системы

репрезентировалась по аналогии с механизмами. В описаниях и доказательствах У. Харви появляется так называемый «картезианский человек» – «человек-машина»: он сравнивал принцип работы кровеносной системы с работой машины и мушкета.

В дискурс экспериментальной науки начинает проникать описание поведения подопытных страдающих животных, и попытки оправдать это полученным знанием о свойствах материи закончились спорами о жесткости. В предисловии к «Микрографии» Р. Хук поставил под сомнение насильственные способы получения знания, так как насилие искажает состояние наблюдаемого объекта. В 70-е гг. XVII в. возникли этические проблемы из-за того, что появились сложные опыты, длившиеся часами, и зрители не могли долго выносить вида мучимых животных. Р. Хук выступал против моральных позиций Р. Бойля и Р. Лоуэра, которые сравнивали зрелищность своей работы с драмой в театре. На рубеже XVII–XVIII вв. стали появляться первые труды против вивисекции, которая грозила дестабилизацией социального статуса ученого и науки.

Если мы обратимся к рецепции вивисекции в поэзии, то можно в качестве примера взять текст Дж. Донна «Первая Годовщина. Анатомия мира». Здесь поэт предпринимает попытку анатомирования тела другого объекта – мира. Поэтический дискурс разворачивается на границе вивисекции и интеллектуального анализа духовного состояния мира. Донн приступает к анатомии мира, заменяя остроту скальпеля остротой разума, чтобы установить причину его смерти. Донн на протяжении «The First Anniversary» постепенно демонстрирует отмершие части тела мира, не причиняя ему боли, так как мир погружен в летаргическую анемию. Для более точного диагноза учитывается не только нынешнее состояние организма, но и прижизненное. Выясняется, что смерти мира предшествовала болезнь.

Донн фиксирует историю его болезни, симптомы которой воспроизводят представления того времени о сифилисе, под знаком которого начинается история Нового времени. Сифилис получил название «обезьяньей болезни», поскольку его можно было спутать с венерическими, простудными, инфекционными заболеваниями. Коварство болезни заключалось в том, что на время казалось, что диагноз поставлен правильный, и человек излечился, но сифилис переходил в латентную форму и становился еще более опасным. Моральный аспект сифилиса как наказания за грехи ярко репрезентирован в трагедии Шекспира «Тимон Афинский». Тимон, проклиная город за любовь к золоту, которое белое превращает в черное и плодит шлюх обоого пола, взывает к четырем стихиям природы (земле, воде, огню и воздуху), чтобы они наказали афинян сифилисом. Он вместил в себя все болезни и поражает не только грешивших, но и их потомков. Сифилис – кара Господа за извращение человеком Божественной любви.

Именно сифилис отражает современное состояние мира от первого пришествия Христа до Страшного Суда: он не жив и не мертв – он онемел. Искусства и медицина уже не могут найти лекарство от болезни, поскольку им закрыто истинное знание из-за утраты связи с миром Идей. Элизабет Друри, которой посвящены «Годовщины», по мнению Донна, является воплощением Мировой души, которая давала людям знание, была медиатором между миром дольным и горним, как магнит соединяла элементы Вселенной и была путеводным компасом в странствиях человеческих душ. И если по версии Фракасторо, человек заразился через отравленную Деву, то по версии Донна, он может искупить свою вину через Добродетельную Деву, которая умерла, будучи

невинной, и теперь ее душа обретается на небесах вместе с Девой Марией. У Шекспира женщина – это только распространитель семян болезни. У Донна целомудренная Дева призвана вернуть миру здоровье. Мизантроп Тимон Афинский не видит источника искупления, не верит в возрождение мира, но текст Донна свидетельствует о надежде и вере в человеческий род после пришествия Христа.

Анатомический дискурс претерпевает существенные изменения на протяжении XVI–XVII вв. в зависимости от представлений о том, насколько человеку со скальпелем позволено вмешиваться в работу Бога и природы. На горизонте практик вивисекции всегда находились религиозные и моральные требования, поскольку Макро- и микрокосм еще мыслились живыми и связанными через Великую Цепь Бытия. Медицинский метод анатомии, положивший начало наблюдательной медицине, благодаря публичным и судебным вскрытиям проник в культурные практики раннего времени. Он стал использоваться как образец тщательного анализа и воспроизведения тела, будь то тело животного, социальное тело или тело мира. И если У. Харви через уподобление нисходил от тела Вселенной, социального тела к человеческому и телам животных; Р. Бойль рассматривал животных как «живые автоматы», то Д. Донн по аналогии с вивисекцией живого организма анатомирует тело мира при помощи «wib».

В **Заключении** подводятся итоги диссертационного исследования и формулируются основные выводы. Раннее Новое время с легкостью поддается модернизации, так как вопросы, им поставленные, остро звучат и сегодня. Их не трудно перечислить, и все они имеют теологическое происхождение: детерминизм и свобода, структуры континуума и числа, психофизический дуализм, объективность мира внутреннего и внешнего, отношение конечного результата к актуальной бесконечности, взаимодействие конструктивного и созерцательного начал разума. Но модернизация незаметно начинает переходить в реконструкцию, потому что открытия этой эпохи – ответы на вопросы Античности и Средневековья. Отцы церкви, схоласты, а затем и гуманисты пытались переплавить библейское и античное знание о мире в универсальное учение. Стремление к систематизации привело к полемике, и XVII в. захлестнули метафизические размышления Декарта, Локка, Г. Мора, Г.-В. Лейбница, Т. Гоббса, И. Ньютона.

Научная революция и расцвет ренессансного искусства во многом связан с неоплатонизмом эпохи Возрождения: гуманисты противопоставили схоластическому авторитету Аристотеля авторитет Платона с его метафоричностью, мифологизированием, открытостью путей познания для моделирующего воображения. XVI–XVII вв. – это время расцвета неоплатонизма, который проникает не только в художественный язык живописи, поэзии, драматургии, романа, но и в теологию, политику, риторику, герметизм, каббалу, научные трактаты и когнитивные практики в целом. Художники, поэты и драматурги играют с оптическими иллюзиями и вербальными аналогиями, пытаясь определить лежащий в их основе первообраз, встраивают научные идеи, открытия и изобретения в аллегории, эмблемы и кончетти (метафору-концепт), пытаясь преодолеть разрыв между миром реальным и идеальным.

Культуру XVI–XVII вв. пронизывает неоплатонический витальный дискурс, связывающий Макро- и микромиры. Витализм является основой представления о Вселенной, обществе и человеке, репрезентируя мир как живое органическое тело, подчиненное законам пропорции,

гармонии и красоты. Нарушение этого принципа не только отражается на деградации этических, властных, социальных и религиозных иерархий, но и лишает человека возможности познать законы Вселенной.

Метафорический способ выражения был одной из последних попыток удержать синкретичность мышления, поскольку язык тропов и концептов позволял сохранить связь неоплатонизма и христианства с естественнонаучными открытиями своего времени. Человек, поставленный в ситуацию смены научных парадигм, был вынужден встраивать новое знание в свои повседневные представления и практики, благодаря чему создавались компромиссные воображаемые картины мира.

Статьи, опубликованные в реферируемых журналах ВАК РФ:

1. Лисович И. И. (Магомедова И.И.) Поэзия и вера в век астрономических открытий: «Страстная Пятница 1613 года. Уезжая на Запад» Д. Донна // Вопросы литературы. 2004. № 4. С. 125–157 (1,8 п. л.).
2. Лисович И. И. Рец. на монографию: Макуренкова С.А. Онтология Слова: Апология поэта. Обретение Атлантиды – М.: Логос-Гнозис, 2004. – 319 с. : ил. // Вопросы литературы. 2005. № 6. С. 346–347 (0,2 п. л.).
3. Лисович И. И., Макаров В. С. Гуманитарная наука: кризис парадигмы? // Вестник Казанского гос. ун-та культуры и искусств. 2005. № 4. С. 89–95 (0,6 п. л.).
4. Лисович И. И. Рец. на кн.: История зарубежной литературы XVII века: учеб. пособие / А. Н. Горбунов, Н. Р. Малиновская, Н. Т. Пахсарьян и др.; под ред. Н. Т. Пахсарьян. – М.: Высшая школа, 2005. – 487 с. // Вопросы литературы. 2006. № 4. С. 358–361 (0,4 п. л.).
5. Лисович И. И. Д. Донн и Ф. Сидни о достоинстве Музы: «На перевод Псалмов сэром Филипом Сидни и графиней Пембрук, его сестрой» и «Защита поэзии» // Вестник Казанского гос. ун-та культуры и искусств. 2009. № 1. С. 42–56 (0,8 п. л.).
6. Лисович И. И. Рец. на монографию: Кудрявцев О. Ф. Флорентийская Платоновская академия: очерк истории духовной жизни ренессансной Италии. – М.: Наука, 2008. – 479 с. // Вопросы литературы. 2009. № 5. С. 335–338 (0,3 п. л.).
7. Лисович И.И. Астрономический дискурс в сонетном цикле «Астрофил и Стелла» Ф. Сидни // Вопросы литературы. 2012. № 5. С. 302–330 (1,6 п. л.).
8. Лисович И.И. Поэзия и наука: наслаждение, воображение и остроумие в Англии раннего Нового времени // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 3. С. 227–233 (1,0 п. л.).
9. Лисович И.И. Учитель и ученица: к обретению субъектности // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. ИВИ РАН. 2012. № 41. С.71–91 (1, 4 п. л.).
10. Лисович И.И. Визуальное как путь к истине: Платон, Фичино, Дюрер и начало научной революции // Вестник Казанского гос. ун-та культуры и искусств. 2013. № 2. С. 42–47 (0,7 п. л.).
11. Лисович И.И. Концепт тела в европейской культуре раннего Нового времени: от Дюрера до Ньютона // Обсерватория культуры. 2013. № 3. С. 134–141 (1,0 п. л.).
12. Лисович И.И. Научная революция XVI–XVII веков // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 4. С. 320–325 (0,6 п. л.).
13. Лисович И.И. Трансформация культурной памяти и научное знание в Европе раннего Нового

времени // Знание. Понимание. Умение. 2013. №4. С. 103–110 (0,8 п. л.).

14. Лисович И.И. Визуальная репрезентация ученого в европейской культуре раннего Нового времени // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. ИВИ РАН. 2013. Вып. 45. С. 251–270 (1, 4 п. л.).
15. Лисович И.И. Визуальная репрезентация научных сообществ в европейской культуре XVII века // Обсерватория культуры. 2014. №2. С. 98–103 (0,7 п. л.).
16. Лисович И.И. Проблемы открытости научного знания в культуре Англии раннего Нового времени // Знание. Понимание. Умение. 2014. №4. С.156–167 (1,0 п. л.).
17. Лисович И.И. «Барочная наука»: проблемы применения концепта // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 1. С. 270–281 (1,0 п. л.).

Монографии, научные комментарии и учебные пособия

18. Лисович И. И. Скальпель разума и крылья воображения: Научные дискурсы в английской культуре раннего Нового времени. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 440 с. (35,8 п. л.) Серия: Исследования культуры. Тираж: 1000 экз. ISBN 978-5-7598-1105-3 (впервые). Подписано в печать 13.11.2013.
19. Лисович И. И., Макаров В. С. Примечания // Донн Д. Стихотворения и поэмы / сост. А. Н. Горбунов, Г. М. Кружков, И. И. Лисович, В. С. Макаров; отв. ред. А. Н. Горбунов. – М.: Наука, 2009. С. 413–557 (9,2 п. л.). Серия: Литературные памятники.
20. Лисович И. И., Макаров В. С. Комментарии // Донн Д. Стихотворения и поэмы. – М.: Эксмо, 2011. С. 392–475 (5,2 п. л.). Серия: Всемирная библиотека поэзии.
21. Лисович И.И. Макаров В.С. Примечания к изданию: Д. Чосер. Кентерберийские рассказы // Джеффри Чосер. Кентерберийские рассказы / сост. А. Н. Горбунов. – М.: Наука, 2012. С. 819–946 (11 п. л.). Серия: Литературные памятники.
22. Стратегии визуализации и вербализации социокультурных практик : сб. науч. трудов / сост. и общ. ред. И. И. Лисович. – Казань : Культура, 2012. – 235 с. : ил.
23. Лисович И. И. Социология культуры и искусства: учебно-методическое пособие. – Казань: Изд-во КазГУКИ, 2006. – 60 с. (4,4 п. л.).
24. Лисович И. И. Методология культурологии: учебн. пособие. – Казань: Изд-во КазГУКИ, 2008. – 116 с. (7,4 п. л.).
25. Лисович И. И. Бажанова Р.К. Культурология : учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению по направлению 033000 «Культурология». Рекомендовано УМО вузов РФ по образованию в области историко-архивоведения. – Казань: Культура. Изд-во КазГУКИ, 2013. – 215 с. (16 п. л.).

Статьи и тезисы, опубликованные в научных изданиях

26. Лисович И.И. Репрезентация теории магнетизма в английской культуре XVII века: У. Гилберт «О магните» и Б. Джонсон «Магнетическая леди» // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. ИВИ РАН. 2011. № 19. С. 171–199 (1, 3 п. л.) РИНЦ.
27. Лисович И.И. Болезни века: «Тимон Афинский» У. Шекспира и «Годовщины» Дж. Донна // Литературоведческий журнал: № 36. – М.: ИНИОН, 2015. С. 44–61(1,0 п. л.) РИНЦ.
28. Лисович И. И. «Терновый венец» и начало религиозной поэзии Джона Донна // Anglistica : сб.

- статей по литературе и культуре Великобритании. Вып. 8. / под ред. И.О. Шайтанова. – М.; Тамбов: 2002. С. 37–49 (0,7 п. л.).
29. Лисович И. И. Муза и музыка в архитектонике лирического цикла Ф. Сидни «Астрофил и Стелла» // Ученые записки РМАТ. 2005. Вып. 2. С. 126–30 (0,5 п. л.).
 30. Лисович И. И. Болезнь мира: «Годовщины» Д. Донна // Мат-лы семинара по изучению метафизического стиля : XVIII Пуришевские чтения / под ред. Е. Н. Черноземовой. – М.: Изд-во МПГУ, 2006. С. 15–18 (0,4 п. л.).
 31. Лисович И. И. Спор об онтологическом статусе слова: сонет-посвящение «Леди Магдалине Герберт о св. Марии Магдалине» Д. Донна // Человек в мире культуры: исследования, прогнозы: сб. науч. статей. – М.: ВИНТИ, 2007. С. 121–124 (0,6 п. л.).
 32. Лисович И. И. Грэшем-колледж и имперские амбиции Лондона XVII века // Социокультурное пространство современного города: сб. науч. статей / сост. и ред. Л. В. Карцевой. – Казань: Изд-во КазГУКИ, 2009. С. 71–79 (0,4 п. л.).
 33. Лисович И. И. Вивисекция животных и вивисекция человека в дискурсивных практиках XVI–XVII веков // Зверь как знак. Интерпретация культурных кодов – 2011: сб. науч. статей / сост. и ред. В. Ю. Михайлина, Е. Решетниковой. – Саратов; СПб.: ЛИСКА, 2011. С. 232–255 (1,3 п. л.).
 34. Лисович И. И. Репрезентация меланхолии в английском сонете: «Астрофил и Стелла» Ф. Сидни и «La Corona» Дж. Донна // Иностранные языки в современном мире : сб. материалов IV Межд. научн.-практ. конф., 22–23 июня 2011, г. Казань / под ред. Г. А. Багаутдиновой. – Казань: Изд-во ЦИТ, 2011. С. 170–179 (0,6 п. л.).
 35. Лисович И. И. Поэзия и наука: дискурсивная трансгрессия в Англии раннего Нового времени // Предел, граница, рамка: интерпретация культурных кодов – 2012 : сб. научн. статей / сост. и ред. В.Ю. Михайлина. – Саратов; СПб.: ЛИСКА, 2012. С. 145–162 (1, 2 п. л.).
 36. Лисович И. И. Томас Грэшем // Информационно-исследовательская база данных. Современники Шекспира. Электронное науч. изд. // URL: <http://around-shake.ru/news/3793.htm> [2012] (0,2 п. л.).
 37. Лисович И. И. Грэшем-колледж // Информационно-исследовательская база данных. Современники Шекспира. Электронное науч. изд. // URL: <http://around-shake.ru/news/3793.htm> [2012] (0,3 п. л.).
 38. Лисович И. И. Репрезентация тела в научных дискурсах Европы раннего Нового времени // Збірник матеріалів наукової конференції «Дискурс тіла в європейській культурі», Одеса, ОНПУ 10–11 квітня. – Одеса: Из-во ОНПУ. 2012. С. 15–16 (0, 2 п. л.).
 39. Лисович И.И. Сильвий и Везалий: конструирование эпистемологического дискурса ученичества в витальных терминах // Стратегии визуализации и вербализации социокультурных практик: сб. научн. трудов / ред. И.И. Лисович и В.С. Макарова, сост. И.И. Лисович. – Казань: Изд-во КазГУКИ, 2012. С. 27–40 (1,0 п. л.).
 40. Лисович И.И. Дискурс науки Нового времени в поэзии М. Кавендиш // Синтез документального и художественного в литературе и искусстве : сб. статей и материалов II Межд. научн. конф. – Казань: Универсум, 2012. С. 247–252 (0,5 п. л.).
 41. Лисович И.И. Наука как национальный проект в дискурсивных практиках Англии раннего времени // Шекспировские чтения – 2012: Шекспир в национальных культурах : сб. аннотаций

- докладов. – М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2012. С. 28–31 (0,2 п. л.).
42. Лисович И.И. Оригинальные иллюстрации к «Истории животных» К. Гесснера // Информационно-исследовательская база данных. Современники Шекспира. Электронное науч. изд. [2012] URL: <http://around-shake.ru/news/3910.htm> (0,1 п. л.).
 43. Лисович И.И. Опера о Докторе Ди: “If We Had Kept that Spirit in Our Hearts” // Информационно-исследовательская база данных. Современники Шекспира. Электронное науч. изд. // URL: <http://around-shake.ru/news/3824.htm> [2012] (0,1 п. л.).
 44. Лисович И.И. Люси Хатчинсон: новое имя в литературе XVII века // Информационно-исследовательская база данных. Современники Шекспира. Электронное науч. изд. // URL: <http://around-shake.ru/news/3819.htm> [2012] (0,1 п. л.).
 45. Лисович И.И. Сокровища библиотеки Лондонского Королевского Общества // Информационно-исследовательская база данных. Современники Шекспира. Электронное науч. изд. // URL: <http://around-shake.ru/news/3813.htm> [2012] (0,1 п. л.).
 46. Лисович И.И. Новый номер “Early Modern Literary Studies” // Информационно-исследовательская база данных. Современники Шекспира. Электронное науч. изд. // URL: <http://around-shake.ru/news/3782.html> [2012] (0,1 п. л.).
 47. Лисович И.И. Лекарства и дидактика в Англии XVI–XVII веков // Информационно-исследовательская база данных. Современники Шекспира. Электронное науч. изд. // URL: <http://around-shake.ru/news/4180.htm> [2013] (0,2 п. л.).
 48. Лисович И.И. Макаров В.С. «Страстная пятница 1613 года»: медитация 400 лет спустя // Информационно-исследовательская база данных. Современники Шекспира. Электронное науч. изд. // URL: <http://around-shake.ru/news/4278.htm> [2013] (0,2 п. л.).
 49. Лисович И.И. Толбот Элизабет, графиня Шрусбери // Информационно-исследовательская база данных. Современники Шекспира. Электронное науч. изд. // URL: <http://around-shake.ru/personae/4189.html> [2013] (0,4 п. л.).
 50. Лисович И.И. Болезни века: сифилис vs меланхолия // XXV Шекспировские чтения – 2014 : «Шекспир в русско-английском культурном диалоге»: сб. аннотаций докладов. – М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2014. С. 128–130 (0,1 п. л.).
 51. Лисович И.И. Топос гения в английской поэзии начала XVIII века: Ньютон и гуманистическая традиция // XVIII век: топосы и пейзажи: сб. статей / под ред. Н.Т. Пахсарьян. – СПб.: Алетейя, 2014. С. 137–156 (1,1 п. л.).
 52. Лисович И.И. Идея естественного порядка и гелиоцентрический концепт в модели открытого образования Я. А. Коменского // Мировая культура в русском тезаурусе : I Академические чтения памяти Вл. А. Лукова, 27 марта 2015 г.: сб. науч. трудов / отв. ред. Вал. А. Луков – М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2015. С. 244–255 (0,7 п. л.).
 53. Лисович И.И. Наблюдательная наука и неоплатонизм в Европе раннего Нового времени // 3-я Международная московская платоновская конференция : тезисы докладов, Москва, РГГУ, 16–17 сентября 2015 г. / ред. И. А. Протопопова и др. – М.; СПб.: ПФО; РГГУ; РХГА, 2015. С. 33 – 34. (0,2 п. л.).